

Отрывки изъ воспоминаній.

(Посвящается В. Н. Б.).

Часть II ¹⁾).

I. Возвращеніе въ Россію.

Чтобы выяснить условія жизни въ Европейской Россіи возвращенныхъ ссыльныхъ, я считаю нужнымъ привести выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ, полученныхъ мною отъ ранѣе уѣхавшихъ изъ Сибири товарищей. Н. В. Ковалевскій ²⁾ писалъ мнѣ изъ Кіева, что его «экономическое положеніе хуже, чѣмъ было въ Минусинскѣ. Возвращенные изъ ссылки встрѣчаютъ въ Кіевѣ, да, полагаю, и вездѣ, чрезвычайныя затрудненія въ пріисканіи себѣ какого-нибудь заработка. Нѣкоторые изъ возвращенныхъ и поселившихся въ Кіевѣ въ теченіе года не смогли заработать, что называется, ни копѣйки. Я уже въ Кіевѣ

¹⁾ Часть I-ая См. «Голосъ Минувшаго» за 1913—1914 гг.

²⁾ Н. В. Ковалевскій, о которомъ вскользь упоминаю я въ I ч. своихъ воспоминаній, былъ до ссылки въ Сибирь учителемъ гимназіи въ Курскѣ, а затѣмъ—въ кіевской военной. За политическую неблагонадежность онъ въ 1876 г. былъ удаленъ со службы и переѣхалъ въ Одессу, откуда въ 1879 г. былъ, срокомъ на 5 лѣтъ, высланъ административнымъ порядкомъ въ Вост. Сибирь. Изъ «Свода указаній, данныхъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ по дѣламъ о Государственныхъ преступленіяхъ» (см. «Былое», 1907 г., кн. VI), видно, что Н. В. Ковалевскаго оговорилъ бывшій чиновникъ кіевской контрольной палаты, Веледницкій, охарактеризовавъ его «украинофиломъ». Жена Ковалевскаго, Марія Павловна, урожденная Воронцова, сестра извѣстнаго писателя, сослана была на каторгу. Въ 1884 г. Н. В. возвратился въ Кіевъ, гдѣ и умеръ въ концѣ девяностыхъ годовъ. Вл. Махновецъ-Акимовъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Первый Съѣздъ Россійской С.-Д.-Р. партіи». «Минувшіе годы», 1908 г., № 2, стр. 146) говоритъ, что «въ октябрѣ 1897 года извѣстный кіевскій украинофилъ, Ковалевскій, просилъ соцiаль-демократа Т. съѣздить въ Львовъ для переговоровъ съ Павлюкомъ Францомъ по поводу изданія газеты «Житiе и Слово», начавшей выходить вмѣсто «Народа».

цѣлый мѣсяцъ ежедневно въ поискахъ за заработкомъ, но до сихъ поръ нигдѣ не имѣю не только заработка, но и сколько-нибудь определенной надежды на таковой. Вообще, жизнь въ Кіевѣ, «на волѣ», оказывается далеко не столь привлекательной, чѣмъ въ ссылкѣ. Такой апатіи и подавленности общественной, даже въ сферахъ, прежде обнаруживавшихъ нѣкоторую жизненность, я еще и не запомню. Нашему же брату, возвращенному, «свобода» превращается въ свободу умереть съ голоду. Веду я теперь жизнь кочевую, цыганскую и, по всей вѣроятности, буду долго еще ее вести, почему указать мой определенный адресъ теперь не имѣю возможности».

Товарищъ Бать¹⁾ оттуда же писалъ: «О себѣ могу сказать, что я до сихъ поръ жилъ въ Кіевѣ безвыѣздно, а на-дняхъ придется его покинуть и отправиться въ Харьковъ, такъ какъ въ здѣшній университетъ не принимаютъ. Нужно разрѣшеніе ми-

¹⁾ Батя я зналъ по кіевскому университету. Раннею весною 1878 г. онъ былъ высланъ изъ Кіева за «бунтъ» въ кіевскомъ университетѣ. Со многими другими юными студентами онъ отправился въ «весьма отдаленныя мѣста», не имѣя ни средствъ, ни теплой одежды. Въ 1880 г., когда и я уже былъ въ Красноярскѣ, кіевляне возвращались изъ Якутской области въ Россію. Зная при какихъ условіяхъ они были посланы, я думалъ, что увижу одни скелеты, вымерзшіе, такъ сказать, въ полярныхъ странахъ и истощенныя. Каково же было мое удивленіе, когда оказалось, что студенты лишь на обратномъ пути узнали, что обитали въ самыхъ холодныхъ пунктахъ земного шара. Не взирая на всѣ лишенія, на свои подбитыя вѣтромъ одежды, они были здоровы и жизнерадостны. Такова приспособляемость русской молодежи въ моментъ духовнаго подъема! Но, по возвращеніи въ Россію, настроеніе Батя совершенно измѣнилось подъ вліяніемъ реакціи. «Я былъ пораженъ перемѣной, происшедшей въ немъ», — пишетъ А. Бахъ въ своихъ о немъ воспоминаніяхъ («Былое», кн. I, 1907 г.). «Изъ молодого, жизнерадостнаго юноши, — когда насъ высылали изъ Кіева, ему было всего 18 лѣтъ, — онъ превратился въ совершеннаго старика не столько лицомъ, сколько душою. Печать безнадежнаго унынія лежала на всей его фигурѣ, и первое время мнѣ прямо больно было смотрѣть на него». Слѣдуетъ замѣтить, что, помимо «бунта» въ кіевскомъ университетѣ, Бать былъ еще оговоренъ семинаристомъ Богословскимъ, охарактеризовавшимъ юнаго студента почти мальчика, какъ «революціонера». По дорогѣ въ Сибирь, именно въ Красноярской тюрьмѣ, свирѣпый начальникъ восточно-сибирскаго тракта, полковникъ Загаринъ, изъ-за мелочной обиды, велѣлъ заковать въ кандалы нѣкоторыхъ политическихъ ссыльныхъ, а въ томъ числѣ и Батя. Это обстоятельство и было причиною, что они попали въ отдаленнѣйшія мѣста Восточной Сибири. И все вынесъ Бать съ рѣдкою стойкостью, но не устоялъ противъ тлетворной реакціи, наступившей въ 80-хъ годахъ. Онъ не вѣрилъ въ возможность поборотъ ее наличными силами и говорилъ Баху въ Казани: «Пока солнышко взойдетъ, роса очи выѣстъ». Однако, у него хватило энергіи на достиженіе другой цѣли: окончить университетъ и сдѣлаться земскимъ врачомъ. На пути къ этой цѣли лежали почти неодолимые препятствія. «Революціонеръ», бывшій ссыльный и къ тому же еврей, былъ въ положеніи человѣка, лишеннаго всѣхъ правъ состоянія. И, Боже, что пришлось испытать Батю, покида онъ, окончивъ университетъ, сдѣлался, наконецъ, земскимъ врачомъ. Все испытанное и пережитое подорвало организмъ его, и Бать не прожилъ и десяти лѣтъ послѣ достиженія своей заветной мечты. Но, несмотря на краткость своего служенія на земскомъ поприщѣ, дѣятельность его была такова, что въ Новгородѣ даже «губернаторъ, — какъ пишетъ А. Бахъ, — счелъ своимъ долгомъ пойти на похороны еврея Батя, несмотря на то, что онъ долженъ былъ встрѣтиться на нихъ со всѣми радикальными элементами города».

нистра, а тотъ снесся съ здѣшнимъ генераль-губернаторомъ и—не разрѣшилъ (очевидно, причина—несогласіе на то Дрентельна)».

Лидія Парменовна и Владимиръ Викторовичъ Лесевичи изъ Полтавы писали, что жизнь ихъ тамъ томительно однообразна. Первая сообщила новости изъ другихъ мѣстъ. Онѣ, конечно, тоже были печальны. «Не знаю,—писала Л. П.—будетъ ли для васъ новостью, если сообщу о пертурбаціяхъ, испытанныхъ нашими бывшими товарищами по ссылкѣ: Южаковымъ, Виноградскимъ, Семенютою и другими сотрудниками «Одесскаго Листка», а также редакторомъ этой газеты. Заподозрѣнные въ «подстрекательствѣ студентовъ», всѣ они были арестованы и выпущены только черезъ четыре дня, когда совершенно ясна стала ихъ невиновность. Это печальное «недоразумѣніе» очень плохо отозвалось на экономическомъ положеніи Сергѣя Николаевича,—онъ лишился возможности работать въ «Листкѣ». Кромѣ того, «Пчелка», которую онъ редактировалъ, также должна была закрыться. Сообщу вамъ еще одну новость, которую вы, вѣроятно, не знаете: Михайловскій и Шелгуновъ высланы ¹⁾ на жительство въ Выборгъ за рѣчи, произнесенныя однимъ на балѣ студентовъ, другимъ—на балѣ технологовъ».

А Владимиръ Викторовичъ къ письму жены дѣлалъ обширную приписку, въ которой, между прочимъ, говорилъ: «Не сердитесь, Бога ради, что рѣдко пишу. Право, въ робинзоновскомъ нашемъ одиночествѣ есть что-то дѣйствующее такъ же, какъ бы дѣйствовала самая бойкая жизнь. Просто не замѣчаемъ, какъ дни мчатся. Тоскуешь, тоскуешь, а тамъ, глядь, мѣсяца-другого какъ и не бывало. Да притомъ же, чтобы написать и коротенькое даже письмо, надо быть въ соответственномъ настроеніи, а его-то вотъ никогда и нѣтъ. Вообще говоря, живемъ мы здѣсь такъ, какъ, конечно, никто изъ ссыльныхъ въ Сибири не живетъ. Полтава—вѣдь это только станція Харьковско-Николаевской ж. д. не болѣе, считать ее городомъ, да еще губернскимъ, могутъ только въ официальной перепискѣ, по положенію»... «Такъ досадно, что, отправляя письмо въ такую даль, не могу сдѣлать его для васъ интереснымъ. Не могу сказать точно о томъ, что говорятъ въ обществѣ, какіе есть слухи и т. п. Пожалуй, все это угадать не трудно, такъ какъ все это, попрежнему, шаблонно и глупо до омерзенія. Обезьяны еще никому не удалось выду-

¹⁾ Для Н. К. Михайловскаго это было, кажется, первое изгнаніе, а для Н. В. Шелгунова, которому въ 1883 г. исполнилось уже 59 лѣтъ, ссылка въ Выборгъ являлась повторнымъ наказаніемъ. Впервые сосланъ онъ былъ еще въ 1864 г., когда познакомился чуть ли не со всѣми городами Вологодской губерніи. Первый остракизмъ его длился цѣлыхъ пять лѣтъ,—до 1869 г. включительно.

мать, и какъ-то все безыдейно, чуть не хуже, чѣмъ прежде. Мыслишки, которыя были, повыходились, изъ нихъ ровно ничего не вышло».

Но не въ Полтавѣ и Кіевѣ только плохо жилось возвращеннымъ, чужими были они и въ столицахъ.

«Теперь я и среди своихъ товарищей чувствую себя вполнѣ чужимъ, отсталымъ, не проникаясь современностью,—писалъ мнѣ изъ Петербурга державшій государственный экзаменъ въ медицинской академіи М. О. Даниловичъ ¹⁾. Вы не можете себя представить, какимъ счастливымъ для меня будетъ тотъ день, когда я сяду въ вагонъ желѣзной дороги, чтобы разстаться съ Петербургомъ, если можно, навсегда. Я предпочитаю свинство захолустное столичному».

Такимъ образомъ, вѣсти изъ Европейской Россіи мнѣ говорили, что возвращенные изъ Сибири не только лишніе тамъ люди, но и обреченные на смерть гражданскую и экономическую.

Нельзя сказать, чтобы это было нѣчто неожиданное. Реакція, докатившаяся до Сибири, давала слишкомъ много признаковъ готовящихся намъ сюрпризовъ. Но такова уже природа чело-вѣка, что безъ вѣры и надежды жить онъ не можетъ, а, потерявъ ихъ, онъ, весьма часто, поканчиваетъ и съ жизнью.

Такъ, вотъ, и я. Не взирая на тяжести жизни въ ссылкѣ, какъ въ зеркалѣ отражавшей режимъ, установившійся въ Европейской Россіи, не взирая на приведенныя вѣсти, я съ превеликимъ подъемомъ и надеждою стремился въ Житомиръ, гдѣ уже годъ жила моя жена, не вскрывавшая въ письмахъ всей дѣйствительности, чтобы поддержать во мнѣ бодрость духа.

Но лишь только переступилъ я порогъ ея скромной квартиры, какъ эта суровая дѣйствительность выяснилась во всей своей неприглядности, которую можно было сразу формулировать немногими словами: полная необезпеченность въ средствахъ къ существованію и совершенная беззащитность возвращенныхъ отъ произвола полиціи.

Житомирскимъ губернаторомъ въ то время, т.-е. въ 1886 году, былъ «русскій дворянинъ», фонъ-Валь, плохо, къ слову сказать, знавшій русскій языкъ. Если бы Россія управлялась даже на основаніи нормальныхъ законовъ, при строгомъ ихъ соблюденіи, то и въ этомъ случаѣ жизнь при фонъ-Валѣ не была бы сладка. Принимая же во вниманіе изданное еще 14 августа 1881 г. положеніе объ усиленной охранѣ, предоставлявшее неограниченное право администраціи по отношенію къ населенію,

¹⁾ О немъ, какъ о ссыльномъ Минусинскаго округа, упоминаю я въ 1-й части «воспоминаній».

фонъ-валевскій режимъ представлялъ нѣчто напоминавшее режимъ, приблизительно, персидской сатрапіи. Что касается всякаго рода «неблагонадежныхъ», «поднадзорныхъ» и, особенно, возвращенныхъ изъ Сибири, то они въ буквальномъ смыслѣ слова были внѣ закона. Полиція могла съ ними дѣлать, что ей заблагоразсудится, не только не опасаясь никакой отвѣтственности, но, наоборотъ, въ полной надеждѣ на карьеру, быстрота которой была пропорціональна степени преслѣдованія уже зарегистрированныхъ «крамольниковъ» и увеличенія проскрипціонныхъ списковъ ¹⁾. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, какъ только жена моя, пріѣхавъ въ Житомиръ, наняла квартиру, приставъ тотчасъ же заявилъ: «если вы не переселитесь въ другой участокъ, я буду васъ преслѣдовать: производить обыски по ночамъ, слѣдить за вашей квартирой и т. д.» Ясно было, что приставъ желаетъ просто сбыть съ своихъ рукъ поднадзорную, чтобы, въ свою очередь, оградиться отъ излишнихъ неприятностей, и что, слѣдовательно, то же самое сдѣлаетъ приставъ въ каждой части, куда всѣ они не выживутъ жену изъ Житомира. А въ другомъ городѣ повторится та же исторія. Поэтому надо было удержаться на своей позиціи во что бы то ни стало. Такъ жена и сдѣлала, возбудивъ противъ себя пристава. Мой пріѣздъ только подлилъ масла въ огонь. Полиція начала наѣдать, словно бы квартира наша была неприступной крѣпостью. Но бѣжать было некуда. Пришлось не только отсиживаться, но и дѣлать вылазки для добыванія средствъ къ существованію.

¹⁾ Карьера фонъ-Валя можетъ служить тому примѣромъ. Она началась въ Польшѣ, гдѣ Валь, въ 1863 г., усмирять польское возстаніе. Это дало ему возможность быстро достигнуть вице-губернаторства, а затѣмъ и губернаторства. Онъ послѣдовательно былъ начальникомъ губерній: Ярославской, Харьковской, Витебской, Подольской, Волынской и Курской. Съ 1892 по 1895 г. Валь состоялъ петербургскимъ градоначальникомъ, и столица стонала отъ его репрессій, а онъ въ 1901 г. былъ назначенъ виленскимъ генераль-губернаторомъ, при чемъ въ этой должности примѣнялъ къ политическимъ заключеннымъ тѣлесное наказаніе, что вызвало покушеніе на жизнь Валя. Все это было на руку послѣднему, и въ 1902 г. Плеве пристроилъ Валя на самый подходящий для него постъ, сдѣлавъ его товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующимъ отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ. Здѣсь Валь почувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, проявляя рѣдкую энергію по части ссылки и развилъ систему провокаціи. Въ 1902 г. онъ посланъ былъ въ Суджу, Курской губ., для сыска относительно кн. Петра Д. Долгорукова. Въ бесѣдѣ съ послѣднимъ «русскій» товарищъ-министра проявилъ, во-первыхъ, полное незнаніе русскаго языка, который не изучилъ за время своей продолжительной службы, а во-вторыхъ—примитивное невѣжество. Эта знаменитая бесѣда приложена во 2-мъ изданіи книги моей «Земское Движеніе» (стр. 143—144). Въ 1904 г. «русскій» генераль фонъ-Валь назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта. Такова карьера фонъ-Валя, обладавшаго исключительно полицейскимъ талантомъ и приверженностью,—какъ потомъ сообщали газеты,—къ прусскому милитаризму.

Благодаря евреямъ, которыхъ начали уже преслѣдовать, мы пользовались небольшимъ кредитомъ, что давало возможность кое-какъ пробиваться. Однако, этого было недостаточно, и надо же было выплачивать долги. Если бы мы были вдвоемъ, то, несомнѣнно, передвигаясь съ мѣста на мѣсто, такъ или иначе устроились бы. Но у насъ была совершенно разоренная семья жены. Нельзя было ни минуты думать о длительной работѣ, напимѣръ, литературной, которая бы оплатилась въ будущемъ—надо было спѣшить съ заработкомъ сейчасъ, немедленно, потому что ничего не было на сегодняшний день. До моего приѣзда жена сотрудничала, между прочимъ, въ мѣстной газетѣ «Волянь», зарабатывая мѣдные гроши. Это была удивительная газета, издававшаяся въ то время добродушнымъ священникомъ Коровицкимъ. Уже одно то обстоятельство, что «Волянь» могла существовать при тогдашнихъ невѣроятныхъ для провинціальной печати условіяхъ, служило доказательствомъ ея абсолютной благонадежности. Но мало того, что она была безобидной въ политическомъ отношеніи, «Волянь» отличалась еще разнообразіемъ, такъ сказать, взглядовъ. Вотъ характерный примѣръ.

По поводу какого-то процесса, разбиравшагося въ житомирскомъ судѣ, жена моя написала передовую статью. На ту же тему и по тому же случаю передовую же статью написалъ и кто-то другой, высказавъ совершенно противоположные взгляды. Батюшка, ничтоже сумняшеся, механически соединилъ обѣ эти статьи, при чемъ вторая, ничѣмъ не раздѣляясь, являлась прямымъ продолженіемъ статьи моей жены. Последняя ахнула, прочитавъ утромъ такое мѣсиво, и отправилась протестовать и требовать, чтобы въ газетѣ была напечатана замѣтка, выяснявшая «недоразумѣніе». Но редакторъ не согласился.

— Пустяки!—добродушно улыбаясь, утѣшалъ онъ жену,—разные бываютъ взгляды: одному первая часть понравится, другому—вторая.

— Но, вѣдь, подумаютъ, что это одного и того же автора!..

— Пу-пустяки! Кто тамъ будетъ думать!..

Коровицкій не имѣвшій никакого отношенія къ журналистикѣ, велъ газету спустя рукава, какъ Богъ на душу положить, видимо тяготился своимъ органомъ, что и дало мнѣ безумную мысль приобрести эту газету и вести ее вмѣстѣ съ женой!

Безумна эта мысль была и потому, что у насъ не было никакихъ средствъ, и потому, что администрація, конечно, немедленно приняла бы соотвѣтствующія мѣры, чтобы пришибить не только газету, но и издателя, и потому, что трудно было при такихъ условіяхъ надѣяться на подписку, которая бы не только

окупала изданіе, но и давала возможность существовать «редакціи», хотя бы она состояла всего изъ двухъ лишь человѣкъ.

Но, нужно думать, великъ былъ еще запасъ духовныхъ силъ, вѣры и надежды въ какія-то «перемѣны обстоятельствъ», и вотъ они-то и не остановили насъ передъ безуміемъ: я заключилъ съ батюшкой домашнее условіе и пустился изъ Житомира въ путь, чтобы, во-первыхъ, повидаться съ родными, которыхъ не видѣлъ восемь лѣтъ, и, во-вторыхъ, привлечь въ «свою» газету сотрудниковъ, главнымъ образомъ, изъ товарищей по ссылкѣ.

Двинулся я въ дорогу съ мѣдными грошами въ карманѣ, оставшимися у меня еще отъ дороги изъ Сибири.

Добравшись въ дилижансѣ до Бердичева, а оттуда по желѣзной дорогѣ до Кіева, гдѣ прошли лучшіе годы моей жизни, я остановился въ этомъ городѣ, чтобы повидаться съ сестрой моей жены, Леонардой Николаевной, сидѣвшей тогда въ Кіевской тюрьмѣ. Съ этой цѣлью, не безъ трепета, направился я къ знаменитому начальнику кіевского жандармскаго управленія—Новицкому. Такое мое настроеніе объяснялось жестокостью и грубостью послѣдняго, чѣмъ онъ въ то время прославился на всю Россію. Я боялся, что не выдержу, если Новицкій оскорбитъ меня, и тогда рухнуть всѣ мои планы.

Идя въ жандармское управленіе, я утѣшалъ себя только тѣмъ, что, быть можетъ, придется просить о свиданіи кого-нибудь другого.

Но Новицкій, котораго, къ слову сказать, я ранѣе ни разу не видѣлъ, лично принялъ меня.

Мрачно и пронзительно оглядѣлъ онъ мою персону съ ногъ до головы своими сѣрыми глазами, покрутилъ спускавшіеся внизъ усы и, выправившись, грозно спросилъ:

— Кто вамъ разрѣшилъ явиться въ Кіевъ?

— Мнѣ никто не говорилъ, чтобы Кіевъ являлся для меня запретнымъ городомъ.

— А вы сами не догадались?

— Почему? Я не понимаю вашего вопроса...

— Ну, такъ поймете...

Новицкій повернулся и ушелъ.

— Пріемъ конченъ,—произнесъ вошедшій затѣмъ жандармскій офицеръ, движеніемъ руки указывая мнѣ на дверь.

— Но полковникъ не выслушалъ даже...

— Это меня не касается,—повторяю, пріемъ оконченъ...

Я вышелъ инстинктивно догадываясь, что Новицкій задумалъ что-то по отношенію ко мнѣ предпринять, и рѣшилъ,

отряхнувъ прахъ отъ ногъ, оставить Кіевъ. Но, когда очутился на улицахъ этого красиваго, богатаго для меня мрачными и свѣтлыми воспоминаніями города, не могъ устоять, чтобы не прогуляться по нему. Изъ афишъ, расклеенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, я узналъ, что въ оперномъ театрѣ идетъ «Демонъ», при чемъ Демона играетъ Тартаковъ. Это былъ для меня непреодолимый соблазнъ. Лѣтъ 10 я не слыхалъ ни хорошей музыки, ни пѣнія, и для меня, обожающаго, можно сказать, и то и другое, отсутствіе въ ссылкѣ музыки и пѣнія являлось однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ переживаній. Нѣтъ ничего поэтому удивительнаго, что я рѣшилъ плюнуть на всѣ предполагаемые мною подвохи Новицкаго и отправился вечеромъ въ оперу, въ тотъ театръ, который когда-то мнѣ доставлялъ высшее художественное наслажденіе, гдѣ я слыхалъ пѣніе Кадминой, Павловской и многихъ другихъ знаменитыхъ артистовъ и артистокъ. Опасаясь, что полиція какимъ-либо образомъ воспрепятствуетъ мнѣ осуществить мое намѣреніе, я рѣшилъ явиться въ своей убогой номеръ только послѣ оперы, на ночлегъ.

Прекрасный теплый и ясный осенній день далъ мнѣ полную возможность обойтись безъ гостиницы.

За исключеніемъ времени, употребленнаго на обѣдъ въ какой-то столовой и вечеромъ—на чай въ кафѣ, я все время ходилъ по улицамъ, лазилъ на гору св. Владиміра, сидѣлъ на берегу Днѣпра и т. д., и незамѣтно для меня насталъ вечеръ, когда я отправился въ театръ. Здѣсь я весь былъ поглощенъ оперою, такъ что забылъ обо всемъ на свѣтѣ. Какъ одинъ прекрасный мигъ прошелъ для меня «Демонъ». Очарованный музыкой и пѣніемъ, медленно шелъ я въ свою гостиницу, чтобы, переночевавъ, бѣжать утромъ отъ Новицкаго. Но не тутъ-то было. Въ номерѣ меня ждала уже полиція, произведшая обыскъ почти пустого моего чемоданишка.

— Вы Бѣлоконскій?—былъ первый вопросъ, которымъ встрѣтилъ меня приставъ.

— Я... А что?

— Предписано васъ задержать и завтра съ первымъ поѣздомъ выслать...

— Куда?..

— Изъ предѣловъ Кіевского генераль-губернаторства...

— На какомъ основаніи?

— Это не мое дѣло,—мнѣ предписано и я больше ничего не знаю...

— Но я самъ завтра уѣду.

— Куда?

— Къ роднымъ, въ Черниговскую губернію.
— Туда нельзя...
— Ну, это, знаете ли, самый возмутительный произволъ...
Я не видѣлъ родныхъ восемь лѣтъ...
— Повѣрьте, что я здѣсь не причемъ... Мнѣ предписано...
— Я долженъ видѣть генераль-губернатора...
— Это какъ вамъ угодно... Объ этомъ поговорите съ полицій-
мейстеромъ...
— Гдѣ же я его увижу?
— Въ части.
— Но зачѣмъ же я долженъ отправиться въ часть?
— Мнѣ предписано... Я прошу васъ пожаловать со мною
въ часть...
— Я не вижу въ этомъ никакого смысла...
— Я еще разъ прошу... Въ противномъ случаѣ...
— Что?
— Вынужденъ буду прибѣгнуть къ насилію...
— Неужели?
— Могу васъ увѣрить... Какъ это мнѣ ни непріятно, но
служба...

Нечего дѣлать, — пришлось, не раздѣваясь, расплатиться за номеръ, сѣсть рядомъ съ приставомъ на извозчика и, въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ, ѣхавшихъ сзади съ моимъ чемоданомъ, отправиться въ часть.

Здѣсь былъ уже и полиціймейстеръ съ страшной фамиліей, кажется, Живогловъ. Но онъ не осуществилъ того глагола, отъ котораго произошла его фамилія, и былъ даже довольно любезенъ со мною, предоставивъ для ночлега турецкій, обтянутый клеенкой, диванъ въ канцеляріи пристава.

На мое желаніе повидаться съ генераль-губернаторомъ Живогловъ отвѣтилъ:

— Напрасно вы этого добиваетесь... Вѣроятно, онъ отвѣтитъ отказомъ на вашу просьбу, а если и приметъ, то, конечно, повторитъ тоже, что сказано въ его предписаніи о высылкѣ вашей изъ предѣловъ его генераль-губернаторства, т.-е. Кіевской, Волынской и Черниговской губерній.

— Развѣ это его предписаніе?

— А чье же?

— Вѣроятно, Новицкаго...

— Быть можетъ, онъ сдѣлалъ представленіе объ этомъ, намъ неизвѣстно, но выселяетъ васъ генераль-губернаторъ. И, право, чтобы вамъ долго не сидѣть въ части, лучше всего завтра же уѣхать... Ну, до свиданья, спокойной ночи.

Вскорѣ канцелярія пристава опустѣла, и я, хранимый городовымъ, стоявшимъ у двери въ коридорѣ, остался въ одиночествѣ и снова улегся на диванѣ, чтобы уснуть послѣ цѣлаго дня хожденія.

Но, увы, сонъ бѣжалъ моихъ глазъ. Возмутительный произволъ взбудоражилъ всю мою нервную систему. Безъ всякихъ основаній, по указанію лишь жандармскаго полковника, произвели у меня обыскъ, арестовали, засадили въ часть и насильственно выселяютъ изъ территоріи, гдѣ живетъ моя семья, родные, которые 8 лѣтъ ждали моего приѣзда!

И я, несовершившій никакого преступленія, абсолютно безсиленъ оградить свою личность!.. Но мало того, что меня лишаютъ элементарныхъ правъ человѣка,—я не могу даже добывать средства къ жизни!

Всю ночь не сомкнулъ я глазъ и раннимъ утромъ былъ уже на ногахъ.

— Чего не спите, господинъ?—обезпокоился городской, предполагавшій, быть можетъ, что я намѣреваюсь скрыться.

— Не спится...

— А вы не очень безпокойтесь,—у насъ каждый день кого-нибудь, вотъ, какъ васъ, задерживаютъ...

— Мнѣ отъ этого не легче...

— А потомъ на поѣздъ—и больше ничего... Вотъ, ежели, примѣрно, въ тюрьму отправятъ, тогда, дѣйствительно, неладно... Но васъ, должно, не отправятъ, потому какъ на ночевку оставили, а то бы, значить, прямо въ острогъ отправили...

— Мнѣ это извѣстно...

Въ это время въ канцелярію вошелъ околоточный надзиратель.

— А, вы уже проснулись?—заговорилъ онъ со мною.

— Какъ видите...

— Вотъ и отлично... Я думалъ разбудить васъ, такъ какъ поѣздъ идетъ очень рано...

— Куда?

— Да на сѣверъ, на Курскъ...

— Я васъ не понимаю...

— Мнѣ предписали отвезти васъ на вокзалъ и присутствовать, пока поѣздъ, въ которомъ вы ѣдете, не уйдетъ...

— Но почему же я долженъ ѣхать въ Курскъ?

— А потому, что на югъ вамъ нельзя, т.-е. нельзя жить въ кievскомъ генераль-губернаторствѣ.

— Я бы хотѣлъ повидаться съ генераль-губернаторомъ...

— Я ничего не знаю: мнѣ предписано отвезти васъ на вокзалъ,

взять билетъ до того мѣста, куда вы уѣзжаете, кромѣ Кіевскаго генераль-губернаторства, и подождать... Курскъ,—видите ли, самый ближайшій губернский городъ, а тамъ вы рѣшите что-нибудь...

— Но Курска я совершенно не знаю...

— Выбирайте другой городъ... Только долженъ замѣтить, что денегъ у васъ мало, и, когда заплачено будетъ за билетъ, даже третьяго класса, останется меньше рубля...

Затѣмъ, обернувшись къ городовому, околоточный надзиратель, властно приказалъ:

— Позови извозчика и вынесешь чемоданъ.

Не болѣе, какъ черезъ часъ послѣ этого, поѣздъ везъ уже меня въ совершенно неизвѣстный мнѣ Курскъ, при чемъ въ моемъ кошелькѣ было всего лишь 87 копѣекъ денегъ.

Въ Курскѣ я зналъ только тюрьму, въ которой восемь лѣтъ тому назадъ провелъ трое сутокъ до отправленія въ Орель. Поэтому, когда по вѣткѣ отъ вокзала я прибылъ въ этотъ городъ, рѣшительно не зналъ, что дѣлать и какъ быть, тѣмъ болѣе, что въ карманѣ у меня, какъ я уже сказалъ, не было даже рубля. Но долго думать было невозможно. Необходимость заставляла немедленно принять какое-либо рѣшеніе. Самымъ жгучимъ являлся вопросъ о какомъ-либо пріютѣ, гдѣ преклонить голову, хотя бы переночевать первую ночь. О гостиницѣ нечего было и думать, такъ какъ средствъ не хватало для оплаты самаго жалкаго номера. Рѣшивъ это, я оставилъ у носильщика свой чемоданишко, и пошелъ бродить по незнакомому городу, придумывая,—какъ найти помѣщеніе безъ денегъ, чтобы платить за него спустя нѣкоторое время, хотя не зналъ, откуда же я добуду средствъ и въ скоромъ будущемъ. Трудно словами передать то настроеніе, которое я переживалъ. Я останавливался у всѣхъ домовъ, гдѣ виднѣлись объявленія о сдачѣ квартиръ и комнатъ и, наконецъ, наткнулся на убогій флигелекъ, на окнѣ котораго записка гласила, что въ немъ отдается комната за 7 рублей въ мѣсяцъ. Не сразу рѣшился я позвонить. А что, если хозяинъ потребуетъ задатокъ,—что я скажу?—безпокоила меня мысль. Но, однако, надо было на что-нибудь рѣшиться. Я позвонилъ. Дверь отворила полная, добродушная на видъ старуха.

— У васъ сдается комната?

— Сдается.

— Позвольте посмотрѣть.

— Смотрите, смотрите.

Чистенькая, крохотная комнатка совершенно соотвѣтство-

вала моимъ скромнымъ желаніямъ. Но какъ сказать хозяйкѣ, что у меня нѣтъ денегъ? Начинаю изворачиваться.

— Я бы ее нанялъ, но впередъ денегъ выплатить вамъ не могу, а спустя нѣсколько дней...

— Ну такъ что-же,—къ моей радости отвѣтила старуха,—можно и послѣ... Вы одинъ будете жить?

— Одинъ...

— Ну и живите съ Богомъ... А ваши вещи?

— Я ихъ сейчасъ привезу...

— Ну, ну...

Радости моей не было предѣловъ. Я тотчасъ же отправился на вокзалъ, взялъ свой чемоданъ и, за невозможностью нанять извозчика, понесъ его на свою квартиру. Благо уже смеркалось, и это обстоятельство, а также и то, что выбиралъ я пустынные улицы, дало мнѣ возможность не возбуждать любопытства прохожихъ, которые, конечно, удивлялись бы, видя совершенно прилично одѣтаго субъекта, несущаго на собственныхъ плечахъ чемоданъ. Не сдѣлала никакого замѣчанія и хозяйка, подумавшая, вѣроятно, что извозчикъ, привезшій меня съ вещами, отѣхалъ.

— Сейчасъ вамъ самоваръ подадутъ,—сказала она.

Но я отказался, заявивъ, что чай уже пилъ. Въ дѣйствительности же у меня не было ни чаю, ни сахару, и мнѣ неловко было возвратить самоваръ и посуду со всѣми признаками неупотребленія ихъ. Въ то же время мнѣ очень хотѣлось ѣсть. Поэтому я скоро ушелъ изъ своей квартиры и, купивъ себѣ за пять копѣекъ французскую булку и на пять копѣекъ колбасы, отправился на бульваръ, что близъ присутственныхъ мѣстъ, и, оглядываясь, какъ школьникъ, съ рѣдкимъ аппетитомъ совершилъ незатѣливую свою трапезу.

На возвратномъ пути я купилъ за 7 коп. марку и за столько же стеариновую свѣчу. Но, къ сожалѣнію, у неграмотной хозяйки не оказалось ни пера, ни чернилъ, и я не могъ увѣдомить жену о своихъ неожиданныхъ приключеніяхъ въ день пріѣзда.

— А когда вамъ самоваръ поставить утромъ?—спросила старуха.

— Я буду пить чай у знакомыхъ,—придумалъ я отвѣтъ.

— Ну хорошо,—сказала хозяйка и ушла.

А я, оставшись одинъ, сталъ ходить изъ угла въ уголъ своей комнаты, ломая голову, что мнѣ предпринять, покуда не спишусь съ женой и друзьями? И продолжалось это до тѣхъ поръ, покуда усталость не заставила меня прилечь на кровать, на которой я скоро, не раздѣваясь, уснулъ мертвецкимъ сномъ. Проснувшись утромъ, я нѣсколько секундъ даже не сознавалъ, гдѣ я, а затѣмъ

вспомнилъ, взглянулъ на часы, чтобы узнать какое время, и нашелъ временный выходъ изъ своего бѣдственнаго положенія: «да вѣдь я же могу заложить часы»!—явилась у меня блестящая мысль. И я, умывшись въ коридорѣ изъ жестяного рукомойника, тотчасъ воспользовался своимъ счастливымъ открытіемъ. Въ ломбардѣ за часы дали мнѣ три рубля, и эта сумма показалась мнѣ цѣлымъ богатствомъ, тѣмъ болѣе, что у меня оставалось еще за всѣми вчерашними расходами 63 коп. Можно было и марокъ купить, и продержаться нѣсколько дней до полученія отвѣтовъ на письма, и даже разъ-другой пообѣдать, не говоря уже о чаѣ. Я тотчасъ же купилъ себѣ $\frac{1}{8}$ чаю, 2 ф. сахару, двѣ булки, $\frac{1}{2}$ ф. колбасы, пять марокъ, на гривенникъ бумаги и конвертовъ, на пятиалтынный чернилъ, перьевъ, ручку и, возвратившись на квартиру, попросилъ поставить самоваръ, заявивъ, что не засталъ знакомыхъ дома.

Трудно изобразить то удовольствіе, съ которымъ я пилъ чай и тутъ же писалъ письма женѣ и друзьямъ. Я забылъ обо всемъ, недавно пережитомъ, и жилъ уже розовыми мечтами о будущемъ, хотя для этого не было ровно никакихъ основаній. Вѣроятно, такова уже славянская или, вѣрнѣе, русская натура, что быстро мирится она со всѣми невзгодами, быстро осваивается со всякими безобразіями, и малѣйшее, даже случайное улучшеніе обстоятельствъ уже возбуждаетъ какія-то несбыточные надежды.

Достаточно было трехъ рублей, дававшихъ возможность перебиться, тахітум, недѣлю, при тратѣ по 43 коп. въ сутки, какъ я уже, что называется, сталъ на ноги.

Отправившись бросить письмо, я, на обратномъ пути въ свою квартиру, наткнулся на старый домъ, гдѣ помѣщалась редакція «Курскаго Листка», и рѣшилъ попытать счастья найти въ немъ работу. Поднявшись по шаткимъ, грязнымъ ступенямъ на второй этажъ, я увидѣлъ какую-то бабу, которая и вызвала редактора. Судя по растрепанному виду, онъ, вѣроятно, только что всталъ съ постели и довольно сурово встрѣтилъ меня.

— Что вамъ угодно?

Я отрекомендовался и заявилъ, что желаю работать въ газетѣ...

— Но у меня всѣ отдѣлы уже заняты,—отрѣзалъ редакторъ и раскланялся.

Въ этотъ же день мнѣ удалось видѣть и «Курскій Листокъ». Это была неряшливая, крохотная газета, вся состоящая изъ перепечатокъ и не имѣвшая никакихъ «отдѣловъ».

«Листокъ» являлся характернымъ образчикомъ жалкаго, унижительнаго положенія провинціальной печати, совершенно задушенной цензурой и произволомъ мѣстной администраціи. Мнѣ

смѣшно сдѣлалось, когда я вспомнилъ хвастливую ложь бѣднаго редактора, что въ его газетѣ «всѣ отдѣлы заняты».

Чтобы не возвращаться болѣе къ этому типичному представителю тогдашней печати въ глухой провинціи, сообщу переданный мнѣ фактъ о положеніи сотрудниковъ въ этой газетѣ. Говорили, что въ «Листкѣ» былъ единственнымъ сотрудникомъ несчастный алкоголикъ, сдѣлавшійся таковымъ, быть можетъ, вслѣдствіе тяжелыхъ условій...

Получалъ онъ гонораръ четвертаками, много—полтинниками и еле-еле поддерживалъ свое брренное существованіе. Какъ-то сотрудникъ возымѣлъ смѣлость взыскать весь долгъ съ редакціи, выражавшійся нѣсколькими десятками рублей. Но настойчивыя требованія бѣднаго работника печати очень продолжительное время не увѣнчивались успѣхомъ. Наконецъ, однажды, когда онъ сидѣлъ въ своей комнатукѣ, гдѣ-то на отдаленной окраинѣ города, къ воротамъ подѣхала телѣга съ нѣсколькими ящиками. Не говоря ни слова, возчикъ свалилъ ящики тутъ же на улицѣ подѣ окномъ у сотрудника и подалъ записку, изъ которой выяснилось, что—ящики и есть гонораръ. Онъ заключался въ жидкости, изъ которой выдѣлывается мыло. Дѣло въ томъ, что редакторъ имѣлъ гдѣ-то мыловаренный заводъ, прекратившій свою дѣятельность, не выработавъ всего сырья. Вотъ это-то сырье, оцѣненное по себѣ-стоимости, и привезено было «литератору»—съ правомъ продать мыльную жидкость и выручкой покрыть гонораръ! Фактъ характерный, но, въ сущности говоря, не представляющій собой ничего изумительнаго. Положеніе провинціальной печати настолько убійственно, что она еле влачитъ свое существованіе, а участіе въ ней—своего рода подвигъ, крестъ. И это потому, что провинціальная пресса не только не доставляетъ сотрудникамъ средствъ для существованія, но, наоборотъ, требуетъ отъ нихъ полного самоотверженія, ригоризма, до голода включительно. Поэтому сотрудничество въ провинціальныхъ газетахъ является дѣломъ идейнымъ, на которое способна только безкорыстная русская интеллигенція, ошибочно видящая въ прессѣ одно изъ средствъ для достиженія своихъ идеаловъ. Говоримъ «ошибочно», потому что убійственная цензура губить, вытраиваетъ всякую живую мысль изъ періодическихъ органовъ провинціальной печати и жестоко преслѣдуетъ не только редакторовъ и сотрудниковъ, но даже издателей и владѣльцевъ типографій. Въ свое время историкъ будетъ поражаться, какъ все же многострадальная печать эта совершенно не искоренена, какъ въ корнѣ не задушено было печатное слово?

Около недѣли пришлось мнѣ проваландаться въ Курскѣ,

покуда я не получилъ письма отъ жены изъ Житомира. Въ этомъ письмѣ она, поддерживая, по обыкновенію, бодрость духа, рекомендуя не печалиться и не утрачивать энергіи, присылала адресъ семейства Ан—нъ, которое, по полученнымъ Валеріею Николаевною свѣдѣніямъ, сдѣлаетъ все отъ нея зависящее. И, дѣйствительно, мужъ и жена Ан—нъ, сами въ то время необезпеченные, оказали мнѣ поддержку и вообще отнеслись чрезвычайно сердечно.

При посредствѣ ихъ я познакомился съ небольшою колоніею поднадзорныхъ въ Курскѣ, которые точно также приняли во мнѣ участіе. Однако, сами лишенные возможности чѣмъ-либо заниматься, они не могли и мнѣ помочь въ нахожденіи болѣе или менѣе постоянной работы, которая давала бы возможность существованія и осѣдлости въ Курскѣ.

Для полученія какого бы то ни было мѣста требовалась «благонадежность», одобреніе администраціи, но на это я рассчитывать, конечно, не могъ. Оставалась одна литературная работа, которая, несомнѣнно, выручила бы меня, если бы я имѣлъ право жить въ столицахъ. Но послѣднія были недоступны. Въ виду всего этого я, занявъ немного денегъ у моихъ новыхъ знакомыхъ, уѣхалъ по ихъ совѣту въ Орель, гдѣ, говорили, «Орловскій Вѣстникъ», искалъ сотрудниковъ.

Въ поѣздѣ на меня нахлынули тяжкія мысли. Я почувствовалъ полное безсиліе бороться съ опутавшимъ меня, какъ паутина, безправіемъ и произволомъ. Я не зналъ, зачѣмъ я ѣхалъ въ Орель. Развѣ тамъ не то же, что въ Курскѣ? Не тотъ режимъ, не та администрація, не то положеніе печати? Что за несчастная многомилліонная страна, которая задыхается въ тискахъ бюрократіи и крѣпостниковъ, занявшихъ съ 1881 г. господствующее положеніе и даже мечтающихъ о возвращеніи былого черезъ 25 лѣтъ послѣ паденія крѣпостного права! И казалось мнѣ, что всѣ пассажиры были въ такомъ же настроеніи, думали о томъ же. На всѣхъ, казалось, была печать тоски и безнадёжности отъ густого мрака безпросвѣтной реакціи.

Черезъ пять часовъ ѣзды я былъ уже въ Орлѣ, въ которомъ мнѣ пришлось прожить цѣлыхъ девять лѣтъ.

И. П. Блюконскій.

Отрывки изъ воспоминаній.

(Посвящается памяти В. Н. В.).

II ¹).

Орловская жизнь.

Въ Орелъ прибылъ я съ тремя рублями денегъ и однимъ адресомъ въ кошелькѣ. При такихъ капиталахъ нечего было и думать о гостиницѣ. Приходилось, какъ и въ Курскѣ, оставивъ вещи на вокзалѣ, направиться въ городъ, чтобы подыскать возможно дешевую комнату. Но условія были здѣсь менѣе благоприятны. Въ Курскѣ «вѣтка» доставляетъ васъ въ центръ города, а въ Орлѣ вокзалъ расположенъ, какъ говорится, у чорта на куличкахъ. Правда, къ услугамъ пассажировъ было не мало извозчиковъ, но поѣздка на нихъ совершенно вывела бы мой бюджетъ изъ равновѣсія. Въ силу сказаннаго я рѣшилъ возможно полнѣе использовать собственныя ноги, не требовавшія никакихъ расходовъ, и устроиться на ближайшей къ вокзалу окраинѣ города. Последнее желаніе мотивировалось не только скудостью средствъ, но также и тѣмъ, чтобы не очень далеко тащиться съ чемоданомъ съ вокзала. Къ моему удовольствію въ началѣ Московской улицы, которою со стороны желѣзной дороги начинается Орелъ, я на окнѣ одного миниатюрнаго деревяннаго домика увидѣлъ замусленное «объявленіе», гласившее, что «одаѣтца дяшова комната». Я сталъ высматривать звонокъ, но такового не нашель.

¹) См. «Голосъ Минувшаго», мартъ 1916 г.

— А что вамъ?—послышался окликъ съ улицы.

Я оглянулся и увидѣлъ дворника съ метлою.

— Комнату хочу посмотрѣть.

— Гришка! Гри-и-шка-а!—въ отвѣтъ на мои слова сталъ кричать дворникъ.

Изъ воротъ сосѣдняго дома выбѣжалъ бѣлобрысый, соплявый мальчишка въ разстегнутомъ пальтишкѣ и въ громадныхъ женскихъ ботинкахъ; обѣими руками онъ поддерживалъ явно стремившіяся сползти съ него штанишки.

— Цево тебѣ?—обратился онъ къ дворнику.

— Глянька-ся за уголъ, не стоитъ ли тама Евстигней.

Гришка, спотыкаясь о мостовую, добѣжалъ до ближайшаго угла и заоралъ что было мочи пискливымъ голосомъ:

— Евстигней! . . . Ев-стиг-не-е-й!

Затѣмъ онъ скрылся.

— Значить тама,—пояснилъ дворникъ.

Дѣйствительно, скоро послышалось тарактенье дрожекъ и показался одноконный извозчикъ съ сіявшимъ отъ удовольствія Гришкою на сидѣнѣ.

— Чаво тебѣ?—обратился Евстигней къ дворнику.

— Да, вотъ, господинъ на счетъ хватеры..

— Это вамъ-то?—спросилъ извозчикъ, оглянувъ меня съ ногъ до головы.

— Да.

— Ну ка-ся, Гришка, отвори калитку.

Мальчишка, стряхнувъ башмаки, тотчасъ-же ловко взобрался на заборъ, совершенно оголивъ свой задъ, прыгнулъ во дворъ и сталъ возиться у калитки.

— Чего ты тамъ?—кричалъ съ улицы Евстигней,—отворяй!

— Да не отворяется!—пищалъ со двора Гришка.

— Колѣнкою стукни!

— Стуца-а-ль!

— Разбухла, анаѣема,—обратился извозчикъ къ дворнику.

— Да оно по-осени усѣ расбухаить,—глубокомысленно пояснилъ дворникъ и прибавилъ,—должно самому тебѣ придется перескочить.

— Поди что такъ... Постереги коня.

— Ладно.

Евстигней прыгнулъ съ козелъ, поднялъ полы длиннѣйшаго на ватѣ синяго армяка, поднялъ ихъ, отвернулъ, засунулъ за поясъ, грузно перевалился черезъ заборъ и, спустя немного, отворилъ калитку.

Она вела въ небольшой, обильно унавоженный дворъ, на которомъ расположенъ былъ деревянный домишко и навѣсъ.

Прежде чѣмъ показать комнату, извозчикъ сообщилъ, что его семья, состоящая изъ матери, жены и четырехъ дѣтей, проживаетъ въ деревнѣ, что онъ, Евстигней, единственный работникъ, что земли на весь дворъ двѣ десятины, а ѣдоковъ—семь человѣкъ; поэтому-то онъ осень и зиму извозничаетъ въ городѣ, а весну и лѣто на тѣхъ же лошадяхъ работаетъ въ деревнѣ. За домъ съ дворомъ платитъ онъ 240 рублей въ годъ, что было бы для него очень дорого, но такъ какъ квартира расположена вблизи базара, то у Евстигнея «останавливаются» въ базарные дни и «земляки», и вообще «деревенскіе»; за простой и ночлегъ онъ беретъ, глядя по состоятельности, то гривенникъ, то пятиалтынный, то, наконецъ, двугривенный,—и этими взносами совершенно оплачиваетъ стоимость своего помѣщенія, такъ что извозъ даетъ ему чистую прибыль.

«Флигеръ», какъ называлъ извозчикъ свою квартиру, состоялъ изъ двухъ раздѣленныхъ сѣнями комнатъ: одна, громадная съ варистою печкою и другая—крохотная, съ голландскою печью. Первую занималъ Евстигней, а вторую сдавалъ. Окна этой комнаты, съ некрашеннымъ скрипучимъ поломъ, выходили подъ навѣсъ, и свѣту въ ней почти не было; мебель состояла изъ двухъ скамеекъ и небольшого столика; стѣны зіяли пятнами отъ обвалившейся штукатурки. Но зато цѣна была совершенно соотвѣтствовавшая моимъ средствамъ—четыре рубля въ мѣсяцъ съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и двумя самоварами. Мало того, давъ полтинникъ задатка, остальные 3 р. 50 к. я могъ внести въ концѣ мѣсяца. Наконецъ, хозяинъ предложилъ мнѣ бесплатно доставить съ вокзала чемоданъ. Такимъ образомъ, благодаря счастливой случайности, я съ тремя рублями въ день пріѣзда совершенно устроился въ незнакомомъ городѣ.

Къ вечеру Евстигней привезъ мнѣ чемоданъ и желѣзной лопатой, которой убирали навозъ, соскребъ съ моего пола грязь, а оставшуюся размазалъ шваброю, замѣтивъ:

— Кабы баба у насъ была, дѣло, конечно было бы чище, а безъ бабы и такъ сойдесть.

Послѣ скребки и размазки грязи Евстигней внесъ зажженную маленькую жестяную лампочку съ закоптѣлымъ и съ отбитымъ верхомъ стекломъ, а затѣмъ—жестяной же, ведернаго размѣра, совершенно черный отъ грязи, бурно шумѣвшій самоваръ.

— Чай и сахаръ у васъ имѣется?—спросилъ онъ меня.

Получивъ отрицательный отвѣтъ, Евстигней предложилъ свои услуги «сбѣгать на базаръ». Я далъ ему рубль, и извозчикъ въ

скоромъ времени въ полѣ лоснящагося, засаленнаго кафтана принесъ: три фунта горячаго развѣснаго бѣлаго хлѣба, $\frac{1}{8}$ чая за 13 коп.,—1 фунтъ сахару, селедку—«кобылу» за 6 копеекъ и два антоновскихъ яблока за 3 коп., всего на 45 коп.

На мое замѣчаніе, что чай очень ужъ дешевъ, извозчикъ пояснилъ, что «настой его важнѣющій».

Сложивъ принесенное на столъ, Евстигней ушелъ, чтобы принести чайникъ съ отбитымъ носомъ, двѣ жестяныхъ кружки и громадный ножъ.

Я заварилъ чай, а извозчикъ очистилъ селедку, разрѣзалъ ее на бумажкѣ, въ которой селедка была завернута, тѣмъ же ножомъ накроилъ громадные ломти хлѣба, разрѣзалъ одно антоновское яблоко и, снявъ кафтанъ, подъ которымъ оказалась красная рубаха, перекрестился на почернѣвшій образъ неизвѣстнаго святого, привѣшеннаго въ углу у потолка, сѣлъ у стола на лавку и сталъ ѣсть селедку съ хлѣбомъ, обтирая руки то о штаны, то о свои волосы на головѣ.

Я былъ тоже очень голоденъ, но селедка воняла, какъ давно нечищенная помойная яма, и заставила меня нѣкоторое время колебаться,—ѣсть ее или нѣтъ. Однако Евстигней пожиралъ «кобылу» съ такимъ дьявольскимъ аппетитомъ, что я не удержался и послѣдовалъ его примѣру. Рыба была такъ солонa, что прямо обожгла, какъ говорится, мой ротъ при первомъ укусѣ. Должно быть на лицѣ моемъ ярко проявилось это ощущеніе, потому что хозяинъ, взглянувъ на меня, произнесъ:

— Ужъ и асельѣдка же!

— Да-а!—протянулъ я, полагая, что Евстигней выражаетъ порицаніе рыбѣ.

Но я жестоко ошибся.

— За такую асельѣдку,—продолжалъ онъ,—меньше гривенника Ляксѣичъ ни биреть, а мнѣ за шесть копеекъ уступить, потому какъ я усѣхъ къ нему посылаю, которые, значить, у меня останавливаются.

Послѣ этого мнѣ неловко было не доѣсть взятаго куска и, поборовъ гадливость, я покончилъ съ нимъ, набросившись тотчасъ на чай, чтобы затушить, выражаясь фигурально, пожаръ, которымъ объаты были мои внутренности. Я понялъ теперь, почему въ народныхъ трактирахъ, въ заѣзжихъ и постоянныхъ дворахъ до дна выпиваются ведерные самовары двумя-тремя извозчиками,—послѣ такихъ селедокъ можно опорожнить бочку.

— Что же вы не кушаете?—спросилъ Евстигней, когда я кончилъ первую кружку чернаго, какъ деготь, и пахнущаго банннымъ листомъ чая.

— Не хочется больше.

Нужно думать, хозяинъ былъ не очень огорченъ моимъ отвѣтомъ. По крайней мѣрѣ онъ не только съѣлъ мягкіе куски селедки, но тщательно обсмокталъ хвостъ и голову съ вылѣзшими глазами. Когда на бумажкѣ остались однѣ лишь кости отъ рыбы, Евстигней молча приступилъ къ чаепитію. Онъ бросилъ въ кружку два скрылька яблока и пилъ чай въ прикуску. За третьей кружкой по его молодому, здоровому лицу потекли ручейки пота. Время отъ времени онъ сталъ рукавомъ рубахи вытирать какъ потъ съ лица, такъ и носъ, ловко сморкаясь при посредствѣ пальцевъ, обтирая послѣдніе затѣмъ о штаны. Съ четвертой кружки Евстигней сталъ пить чай медленно, «съ прохладженіемъ» и завелъ со мною разговоръ.

— А по какому дѣлу въ нашъ городъ пріѣхали?

Я не могъ сразу отвѣтить на этотъ щекотливый вопросъ и нагнулся надъ кружкой, чтобы сообразить, какъ отбояриться.

— Можетъ по торговому дѣлу?—между тѣмъ, не дожидая отвѣта, спросилъ Евстигней:

— Нѣтъ,... служить думаю...

— А по какой части?...

— Еще не знаю... Повидаюсь со знакомыми...

— Тэ-экъ-съ... Вы дайте мнѣ пачпортъ, потому какъ на этотъ счетъ у насъ строго... Полиція—бѣд-да... Особливо жидовъ щиплютъ—у-ухъ! Имъ, таперича, жить у насъ не дозволено, но только они смазываютъ здорово и проживаютъ. Какъ жидъ, таперича, поселился, сейчасъ либо убирайся ко всѣмъ чертямъ, либо—смазывай. Онъ долженъ и на полиціимейстера платить, и на пристава, и на околотка, и на городского. Платить—живи, сколько хошь, а нѣтъ денегъ—къ чортовой матери!

— Ухъ, и зарабатываетъ же на жидахъ полиція!..

Я обрадованъ былъ переходомъ хозяина отъ моего паспорта къ положенію евреевъ, такъ какъ жилъ я по проходному свидѣтельству, которое мнѣ не хотѣлось показывать Евстигнею, чтобы не напугать его. Но онъ вспомнилъ опять о паспортѣ, и я сказалъ:

— Я его завтра самъ пропишу, такъ какъ мнѣ надо быть у полиціимейстера.

— Можетъ по полицейской части служить будете?

Я ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ и круто перемѣнилъ разговоръ на тему о нашемъ *modus vivendi*. Хозяинъ подробно выяснилъ этотъ вопросъ. Онъ, Евстигней, встаетъ въ пять часовъ утра, затапливаетъ свою печь, ставитъ самоваръ, и въ шесть часовъ утра мы пьемъ чай на его половинѣ. Послѣ чая онъ за-

тапливаетъ мою печь, и мы расстаемся до вечерняго чая, который будетъ въ моей комнатѣ.

На вопросъ, какъ же мнѣ быть съ калиткою, если я возвращусь на квартиру въ промежуткѣ между утреннимъ и вечернимъ чаемъ, или когда онъ, хозяинъ, будетъ, спать, Евстигней отвѣтилъ, что я всегда могу призвать Гришку, а ночью постучать въ окно; въ крайнемъ же случаѣ и лично могу перелѣзть черезъ заборъ.

— Видите, какое дѣло,—пояснилъ извозчикъ,—кабы коней у меня не было, можно бы на замокъ съ улицы запирать и два ключа имѣть, а при лошадяхъ нельзя: отобьютъ замокъ и уведутъ.

— Если найдутся желающіе увести вашихъ лошадей, то не очень ужъ трудно черезъ заборъ перелѣзть и, отворивъ калитку, сдѣлать свое дѣло.

— Ну, не очень-то,—съ улицы увидютъ..

— Привыкнуть, что и вы лазите, и я,—не обратятъ вниманія и на воровъ...

— Да оно такъ-то-такъ, ну, а все-таки...

Евстигней, допивъ шестую кружку, поднялся со скамейки, три раза перекрестился, громко отрыгнулъ и сказалъ:

— Звиняйте, надо запрягать, да на вокзалъ къ поѣзду ѣхать.

Оставшись въ одиночествѣ, я, не зная, что дѣлать, скоро постлался кое-какъ на скамейкѣ и легъ спать. Я думалъ, что усталость усыпитъ меня, но, увы, гнетущія мысли не давали возможности сомкнуть глазъ. «Скоро-ли кончатся мои мытарства»? задавался я вопросомъ и не могъ отвѣтить на него. «Быть можетъ, завтра же мѣстная администрація не пожелаетъ, чтобы я обосновался въ Орлѣ и вышлетъ меня... Чѣмъ она связана въ своихъ дѣйствіяхъ?.. Рѣшительно ничѣмъ... И я, свободный гражданинъ, не могу заняться никакимъ трудомъ, не могу даже добывать средства къ жизни... Европейецъ конечно бы не понялъ въ чемъ дѣло, и лишь турокъ или персъ не нашли бы въ этомъ произволѣ ничего особеннаго... Что если бы сказать, на примѣръ, англичанину, что человѣкъ, не осужденный судомъ, лишенъ всѣхъ правъ на существованіе... «Я слышалъ, какъ возвратился хозяинъ, какъ онъ вошелъ въ сѣни, хлопнулъ дверью своей комнаты; всю ночь затѣмъ мой слухъ улавливалъ фырканье лошадей подъ навѣсомъ-и далекій стукъ экипажей. Помимо взволнованныхъ нервовъ, безсонница моя усугублялась узкостью скамейки, на которой нельзя было повернуться, спертымъ, отвратительнымъ воздухомъ и селедочной вонью. Нѣтъ ничего удивительнаго, что я былъ весьма доволенъ, когда раннимъ утромъ Евстигней, пріотворивъ дверь, позвалъ меня пить чай. Въ его половинѣ въ

печи ярко и весело пылалъ большой огонь, а на столѣ энергично бурлилъ и испускалъ клубы пара знакомый уже самоваръ, у котораго стояли: кружки, громадный чугунокъ, бутылка водки, стеклянный стаканчикъ и лежалъ кусокъ фунта въ три-четыре горячаго хлѣба.

Оказалось, что хозяинъ «разогрѣлъ» уже себѣ обѣдъ, состоявшій изъ щей съ кислую капустою, который онъ изготавлялъ на нѣсколько дней, «покуда не очистится чугунокъ».

— Я такъ вамъ скажу,—пояснилъ извозчикъ,—что щи, тѣмъ они больше прѣютъ, тѣмъ вкуснѣе, —вотъ покушайте.

Съ полки у печи онъ досталъ двѣ деревянные ложки, вытеръ ихъ объ полу все той же кумачевой рубахи, въ которой, повидимому и спалъ, одну изъ ложекъ вручилъ мнѣ, открылъ крышку чугуна, откуда повалилъ паръ, налилъ стаканъ водки и предложилъ выпить передъ обѣдомъ. Я не въ состояніи былъ сдѣлать это раннимъ утромъ натошакъ и категорически отказался. Тогда Евстигней, перекрестившись, выпилъ стаканъ водки, крикнулъ, отплюнулся, и мы начали ѣсть щи изъ чугуна. Вѣроятно потому, что я былъ голоденъ, онѣ мнѣ очень понравились, какъ понравился и теплый съ острымъ ржанымъ запахомъ хлѣбъ. Пять-шесть большихъ круглыхъ ложекъ щей совершенно удовлетворили мой голодъ, хозяинъ же ѣлъ еще долго послѣ меня. Затѣмъ онъ обѣими ложками досталъ изъ чугуна большой кусокъ совершенно разварившагося, чрезвычайно жирнаго мяса, положилъ его на крышку чугуна, вытеръ о штаны ножъ, которымъ вчера рѣзалъ селедку, накроилъ имъ мясо, посолилъ послѣднее крупною черною солью и, выпивъ еще стаканъ водки, сталъ пальцами ѣсть мясо, предлагая мнѣ послѣдовать его примѣру, что я и сдѣлалъ. Потомъ, икая и отрываясь, Евстигней налилъ себѣ и мнѣ по кружкѣ чая и вышелъ «попоить лошадей».

Между тѣмъ въ городѣ началась жизнь. Откуда-то доносился звонъ церковныхъ колоколовъ, слышался отрывочный говоръ проходившихъ мимо оконъ людей, все чаще и чаще дребезжали извозничьи дрожки, стучали телѣги и возы, отворялись лавки, дворники вышли убирать мостовую, а на базарѣ торговли съ мѣста въ карьеръ начали переругиваться. Возвратившись, хозяинъ сталъ спѣшить. Выпивъ кружку чая, онъ вынесъ на «холодъ» щи «для завтрашняго дня», помѣшалъ въ печи, закрылъ ее заслонкою и, наливъ вторую кружку, быстро опорожнилъ ее, надѣлъ армякъ и отправился запрягать лошадь для выѣзда. Не желая перелѣзать черезъ заборъ, я рѣшилъ одновременно съ Евстигнеемъ уйти изъ квартиры. Мнѣ нужно было пораньше направиться въ полицейское управленіе, чтобы, лично заявившись,

не имѣть уже дѣла съ городовыми и околоточными, а затѣмъ утромъ же, чтобы застать дома, побывать у М. Д. Н-ой, адресъ которой данъ мнѣ былъ въ Курскѣ.

Долго мнѣ пришлось прогуливаться по улицамъ Орла, въ которомъ я зналъ лишь тюрьму, покуда не настало время явиться въ полицейское управленіе. На вопросъ городского, — что мнѣ нужно, — я категорически заявилъ о желаніи видѣть «самого» полиціймейстера. Тоже отвѣтилъ я и околоточному надзирателю, которому городской доложилъ обо мнѣ.

— Да что вамъ нужно?.. удивился околоточный, — полиціймейстеръ не можетъ всякаго принимать...

— Онъ обязанъ это дѣлать, — рѣшилъ я перейти въ наступленіе, — какіе же внутренніе или внѣшніе признаки нужно имѣть, чтобы удостоиться чести быть принятымъ господиномъ полиціймейстеромъ?

Околоточный широко раскрылъ глаза, измѣрилъ меня всеуничтожающимъ взглядомъ, подернулъ плечами и молча направился въ кабинетъ полиціймейстера.

Еще въ Житомирѣ я открылъ специальный для русскаго обывателя секретъ предсказанія его будущности: скажи, — формулировалъ я его, — какъ тебя приняли въ полицію, и я скажу какое будущее ожидаетъ тебя въ данномъ мѣстѣ твоего жительства. Я ждалъ, какъ приметъ меня полиціймейстеръ. Это произошло минутъ черезъ двадцать. Околоточный, выйдя изъ кабинета, промывчалъ, бросивъ взоръ въ мою сторону:

— Идите...

Въ кабинетѣ въ креслѣ сидѣлъ высокій, длинноносый, съ выпученными холодными глазами господинъ въ парадной полицейской формѣ и съ орденами на шеѣ и груди.

— Что вамъ? — не глядя на меня, сурово спросилъ онъ.

Я отрекомендовался.

— А - а! — протянулъ полиціймейстеръ, — о васъ уже получены нами свѣдѣнія. Скажите, почему вы выбрали нашъ городъ?..

— Развѣ Орелъ «вашъ» городъ?..

Полиціймейстеръ изумленно взглянулъ на меня.

— Вы знаете, съ кѣмъ вы говорите?..

— Конечно знаю... Но Орелъ такъ же принадлежитъ вамъ, какъ и мнѣ.

Было ясно, что для полиціймейстера это было самое неожиданное открытіе. Онъ, наклонивъ надъ столомъ голову, сталъ смущенно перелистывать «дѣло» обо мнѣ, придумывая, вѣроятно, привести доказательство принадлежности ему Орла. Конечно, данныхъ для этого не было, и полиціймейстеръ сказалъ:

— Ну спорить я съ вами не намѣренъ... Мнѣ нужно спѣшить къ губернатору съ докладомъ... Я ему доложу о васъ...

— Я не затѣмъ къ вамъ пришелъ, г. полиціймейстеръ. Я имѣю право жить въ Орлѣ и въ Орловской губерніи... Для меня безразлично, что вы доложите губернатору и что губернаторъ на это вамъ отвѣтитъ...

— Вы ошибаетесь,—его превосходительство можетъ въ своей губерніи распоряжаться, какъ имъ угодно...

— Простите, но я все-таки думаю, что и городъ и губернія принадлежать не губернаторамъ и не полиціймейстерамъ, а всему народу, въ томъ числѣ и губернатору, и вамъ, и мнѣ. Объ этомъ мы разговаривать не будемъ. Я пришелъ къ вамъ, чтобы, впредь до полученія паспорта, полицейское управленіе зарегистрировало мое проходное свидѣтельство, потому что въ глазахъ квартирохозяевъ оно является сомнительнымъ документомъ...

— Оставьте его здѣсь...

— Нѣтъ, я васъ прошу распорядиться, чтобы это сдѣлали при мнѣ и возвратили бы мое свидѣтельство, потому что въ противномъ случаѣ его принесетъ городской и можетъ чортъ знать чего наговорить хозяину.

— Вы, значить, рѣшили выбрать мѣстомъ жительства Орель?..

— Да...

— Не совѣтываль бы,—у насъ очень строго.

— Вездѣ одно и то же...

— Но я спѣшу съ докладомъ...

— Сдѣлайте распоряженіе,—вѣдь не вы же лично свидѣтельствуете...

Полиціймейстеръ нахмурился, надавилъ кнопку звонка, и, когда явился околоточный, сквозь зубы проговорилъ.

— Скажите, чтобы просителю прописали видъ.

Затѣмъ онъ насупился и быстро вышелъ.

Я добился своего, но пришелъ къ выводу, что туго мнѣ придется въ Орлѣ. Надо было искать поддержки въ обществѣ, безъ каковой жизнь станетъ совершенно невозможною и придется, какъ «Вѣчному жиду», опять искать другого города. Теперь все зависѣло отъ свѣдѣній, которыя получу отъ М.Д. Н-ой. И я отправился къ ней.

Разсудительная, рѣдкой доброты женщина эта, принесшая когда-то дань времени, въ видѣ ссылки въ сѣверныя губерніи, приняла меня съ тою теплотою, простотою и радушіемъ, которыя такъ свойственны русской интеллигенціи. Благодаря моему политическому стажу, она была со мною совершенно откровенна, и я въ короткое время былъ освѣдомленъ объ условіяхъ орловской

жизни. М. Д. назвала цѣлый рядъ «поднадзорныхъ», въ томъ числѣ бывшаго каторжника П. Г. Зайчневскаго, г-жу Гамзагурди, «сочувствующихъ» и вообще ободряла меня, стараясь внушить, что «все со временемъ устроится». Какъ бы въ подтвержденіе своихъ розовыхъ взглядовъ, она въ тотъ же день познакомила меня съ прекраснымъ, чрезвычайно гостепріимнымъ семействомъ Ц-выхъ, состоявшимъ изъ вдовы, двухъ ея сыновей и дочери. Несмотря на потомственное дворянское происхожденіе, строй жизни Ц-выхъ былъ чисто демократическій, даже съ нѣкоторымъ, я бы сказалъ, нигилистическимъ оттѣнкомъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Простота и искренность, съ которыми Ц-вы встрѣтили меня, были причиной, что я сразу почувствовалъ себя, какъ дома, и охотно принялъ предложеніе питаться у нихъ, покуда не устроюсь. У Ц-выхъ въ тотъ же день познакомился съ весьма интереснымъ, начитаннымъ и развитымъ рабочимъ Шмидтомъ, бывшимъ въ ссылкѣ въ одной изъ сѣверныхъ губерній и бѣдствовавшимъ въ Орлѣ, какъ и всѣ возвращающіеся. Ц-вы не только поддерживали его, но содѣйствовали воспитанію сына, которому отецъ желалъ, во что бы то ни стало, дать не только среднее, но и высшее образованіе. Какъ коренные орловскіе жители, Ц-вы отлично знали свой городъ. Обсуждая съ Н-вой, какъ бы меня пристроить на первое время, они указали на «Орловскій Вѣстникъ» и потому, что, какъ писателю, мнѣ лучше всего получить литературную работу, и потому еще, что не было никакой надежды на утвержденіе со стороны администраціи,—если бы я вздумалъ сунуться въ земство. Впрочемъ было рѣшено сдѣлать попытку относительно частныхъ работъ по земской статистикѣ.

Чтобы не возвращаться болѣе къ Ц-вымъ, съ которыми я, а въ послѣдствіи и мое семейство, были въ самыхъ наилучшихъ отношеніяхъ въ теченіе всего продолжительнаго пребыванія въ Орлѣ, я считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ о матери семейства, В. П. Ц-вой. Это была добрая, сердечная и весьма оригинальная женщина. Заботясь о воспитаніи дѣтей, ведя домашнее хозяйство, она въ то же время являлась фанатическою поклонницею искусства. Театръ для нея былъ, можно сказать, органической потребностью. Не обладая такими средствами, чтобы дѣлать большія затраты на удовлетвореніе своихъ эстетическихъ и художественныхъ запросовъ, В. П. сплошь да рядомъ сидѣла «въ галеркѣ», вмѣстѣ съ молодежью, не уступая послѣдней въ экспансивномъ реагированіи на хорошее исполненіе артистами ихъ ролей въ драмѣ, музыкальныхъ и вокальных нумеровъ въ концертѣ или оперѣ, иногда посѣщавшей Орелъ.

Довольный своимъ первымъ днемъ пребыванія въ Орлѣ,

я около 10-ти часовъ вечера возвратился въ свою квартиру, которая сразу перенесла меня въ глухую деревню.

Калитка оказалась незапертою, дворъ уставленъ былъ телѣгами и лошадьми, а моя комната, устланная соломой, была биткомъ набита народомъ. Я пріотворилъ дверь въ комнату хозяина, но тамъ было еще больше людей. Евстигней, замѣтивъ меня, вышелъ въ сѣни и объяснилъ, что многолюдность объясняется завтрашнимъ базаромъ, что меня будутъ беспокоить въ недѣлю всего только три ночи и три утра подъ базаръ и въ базарные дни. Затѣмъ, понизивъ голосъ, хозяинъ сообщилъ мнѣ, что приходилъ городской, спрашивалъ обо мнѣ и сказалъ ему, Евстигнею, что онъ долженъ «присматривать» за мною и, вообще, что онъ, извозчикъ, «наживетъ со мною горя». Въ то же время городской строго-на-строго приказалъ, чтобы ничего того, что онъ сообщилъ, Евстигней не передавалъ мнѣ, въ противномъ же случаѣ, отъ извозчика будетъ отобранъ билетъ и его могутъ даже выслать изъ Орла.

— Вы, Христа ради, ничего не сказывайте,—умолялъ меня хозяинъ и прибавилъ,—можетъ вамъ въ другомъ мѣстѣ комнату поискать...

Я вспылить.

— Скажите вы городовому, что если онъ осмѣлится еще разъ сказать что-либо подобное, а вы на этомъ основаніи будете требовать, чтобы я квартиру перемѣнилъ, я прямо сообщу и о васъ и о немъ губернатору.

Евстигней не ожидалъ такого отпора съ моей стороны; онъ, вѣроятно, думалъ, что слова городского произведутъ на меня такое ошарашивающее впечатлѣніе, какое, надо полагать, произвели на него, и я исполню какое угодно требованіе. Но проявленное мужество, какъ это всегда бываетъ, подняло мой авторитетъ въ глазахъ извозчика и онъ тотчасъ же перешелъ на мою сторону.

— Бид-а съ этою полиціею! Вотъ она гдѣ у меня сидитъ!

Евстигней показалъ рукою на свой затылокъ и повторилъ просьбу:

— Только вы, Христа ради, ничего городовому не говорите...

— На этотъ разъ я буду молчать, но если что-либо подобное повторится...

— Нѣтъ я ему такъ и скажу, что, значить, мнѣ ничего не звѣстно,—моя хата съ краю... Доглядай, то-есть, ты самъ...

— Это самое лучшее... А, вотъ, скажите, какъ же я спать буду?

— А не желаете ли у меня на полатахъ?—Тамъ те-е-пло!..

— Отлично...

— Можетъ закусите съ нами?..

— Благодарю...

Взявъ изъ своей комнаты постель, я полѣзъ на полати. Тамъ было не только тепло, но душно. Снизу разилъ запахъ «явствъ» и сивухи, напоминавшій нѣчто среднее между клозетомъ и анатомическимъ театромъ, доносился шумный говоръ охмелѣвшей деревни. Къ моему счастью я сильно усталъ отъ прошлой бессонной ночи и большихъ концовъ, сдѣланныхъ за день, и потому скоро уснулъ.

Раннимъ утромъ я былъ разбуженъ голосами проснувшихся. Воздухъ былъ такой, что, какъ говорится, хотъ топоръ вѣшай. Я наскоро умылся, одѣлся и поспѣшилъ на улицу, чтобы отдышаться. Назадъ мнѣ не хотѣлось уже возвращаться. Я рѣшилъ напиться чаю въ какомъ-нибудь трактирѣ, оттуда направиться въ редакцію «Орловскаго Вѣстника» и во что бы то ни стало найти тамъ работу и нанять человѣческое помѣщеніе.

Мнѣ нужно было заручиться хотя бы небольшимъ постояннымъ заработкомъ и такою квартирою, гдѣ я могъ бы писать. Я не сомнѣвался, что при такихъ условіяхъ скоро стану на свои ноги при посредствѣ столичныхъ органовъ печати.

Въ редакціи «Орловскій Вѣстникъ» меня принялъ низенькій, черненькій и необыкновенно нервный человѣкъ. Онъ все ерзалъ на стулѣ, мялъ руками бумажки, стучалъ по столу карандашемъ и бесѣдовалъ со мною, потупивъ глаза, словно бы конфузился смотрѣть на меня. Онъ сообщилъ, что въ редакціи имѣется свободное мѣсто во «внутреннемъ отдѣлѣ», но положеніе газеты, вслѣдствіе цензурныхъ условій, такъ печально, что о маломальски сносномъ вознагражденіи не можетъ быть и рѣчи.

Черезъ нѣкоторое время вышла молодая симпатичная дама, фактическая владѣлица газеты. Подтвердивъ сказанное низенькимъ господиномъ, она сообщила рядъ фактовъ, рельефно характеризовавшихъ положеніе провинціальной прессы ¹⁾. Въ результатѣ я получилъ мѣсто завѣдующаго внутреннимъ отдѣломъ съ платою по 25 руб. въ мѣсяцъ, при условіи, что редакція издастъ бесплатно мою книжку «По тюрьмамъ и этапамъ», которую я думалъ составить изъ статей, напечатанныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и газетъ «Сибирь». Нужно ли говорить, что существовать на 25 рублей не было никакой возможности, но они обезпечивали по крайней мѣрѣ плату за какую ни на есть квартиру, имѣя которую, я могъ уже приступить къ литератур-

¹⁾ Объ этомъ была напечатана моя статья въ сборникѣ «Въ защиту слова» (Петроградъ 1905 г.).

нымъ работамъ, на которыя только и возлагалъ надежду. Вотъ почему, «получивъ мѣсто», я прямо изъ редакціи отправился разыскивать квартиру, чтобы скорѣе могла пріѣхать моя жена, находившаяся въ Житомирѣ еще въ худшемъ, чѣмъ я, положеніи. Скоро я нашелъ три комнаты, кажется за 15 руб. въ мѣсяцъ, безъ отопленія, воды и какой бы то ни было мебели. Отсутствие послѣдней опять ставило меня въ безвыходное положеніе, такъ какъ я не могъ не только писать, но не на чѣмъ мнѣ было даже сѣсть. Что дѣлать? Люди, съ которыми я вчера только познакомился, были и малосостоятельные, и неловко мнѣ было съ перваго же раза обращаться къ нимъ за довольно крупною, сравнительно, суммою для покупки мебели. И я рѣшилъ сдѣлать попытку пріобрѣсти ее въ кредитъ. Дѣло было болѣе чѣмъ рискованное, потому что у меня не только не было средствъ, чтобы уплатить долгъ, но и не зналъ я, когда они будутъ, не говоря уже о возможности высылки изъ Орла. Но другого выхода я не находилъ и... пошелъ по мебельнымъ магазинамъ.

Само собою разумѣется, что вездѣ мнѣ задавали вопросъ относительно моего соціальнаго положенія и средствъ. Я, конечно, ничего не утаивалъ, вызывая понятное удивленіе торговцевъ и отпоръ. Обезкураженный полною, хотя и совершенно понятною неудачею въ русскихъ магазинахъ, окончательно истомленный, я рѣшилъ уже итти къ своимъ знакомымъ, чтобы посоветоваться, что дѣлать, какъ увидѣлъ бѣдную еврейскую мебельную лавку и зашелъ, чтобы въ ней послѣдній разъ попытать счастья.

Какъ и во всѣхъ мебельныхъ магазинахъ, еврей задалъ мнѣ вопросы, выясняющіе мое положеніе. Но, къ моему удивленію, онъ сразу не отказалъ мнѣ, а заявилъ, что посоветуется со своимъ семействомъ. Долго сидѣлъ онъ въ сосѣдней съ лавкою комнатѣ, и вышелъ въ сопровожденіи жены и молоденькой дочери. Семейный совѣтъ рѣшилъ выдать мнѣ въ кредитъ полную меблировку и даже доставить ее бесплатно на домъ.

— Если человѣкъ говоритъ правду,—мотивировалъ хозяинъ резолюцію семейнаго совѣта,—то онъ не обманетъ, не будетъ у него средствъ—возвратить обратно мебель, а будутъ—заплатить. Если бы вы хотѣли обмануть насъ, вы бы наговорили и то и се, но вы говорите «нѣтъ у меня службы и нѣтъ денегъ, а когда будутъ—не знаю, но, если будутъ,—сейчасъ же уплачу».

Я былъ до такой степени растроганъ этимъ довѣріемъ, что не зналъ, какъ благодарить добрыхъ людей. Чтобы не возвращаться болѣе къ этому инциденту, скажу, что мнѣ, сравнительно скоро, во всякомъ случаѣ ранѣе назначеннаго срока, удалось выплатить деньги за мебель, и я, какъ и моя жена, за все время

нашего жительства въ Орлѣ были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ этимъ еврейскимъ семействомъ.

Такимъ образомъ, къ вечеру я устроился уже на новой квартирѣ, старому своему хозяину я заплатилъ за полмѣсяца, что совершенно удовлетворило его.

Утромъ на другой день я направился въ редакцію «Орловскаго Вѣстника», чтобы присмотрѣться къ работѣ, и былъ изумленъ предъявленнымъ ко мнѣ требованіемъ... Оказалось, что подъ «внутреннимъ отдѣломъ» хозяева понимаютъ мѣстную хронику, т.-е. въ лицѣ моемъ они видѣли репортера.

— Вы принесли что-нибудь? — встрѣтилъ меня низенькій господинъ.

— Что? — удивился я.

— Да вообще о городской жизни.

— Но я понятія не имѣю о городѣ, во первыхъ, а во вторыхъ, вы приглашали меня для «внутренняго отдѣла».

— Ну да-да, а что же вы подразумѣваете подъ нимъ?

И когда я выяснилъ, что такое, по моему мнѣнію, «внутренній отдѣлъ», низенькій господинъ сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, это мы сами будемъ вести.

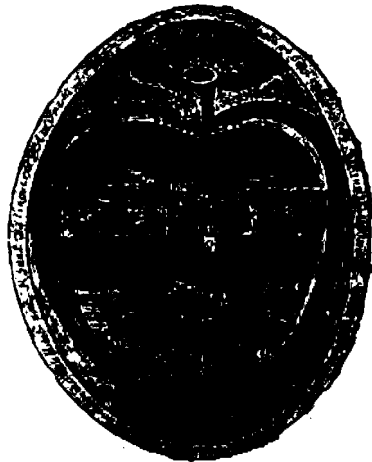
Безвыходное положеніе мое не давало возможности отказаться отъ работы, и я долженъ былъ съ высоты завѣдующаго отдѣломъ спуститься до репортера.

Но дѣло было не въ самолюбіи, не въ томъ, что репортеръ считается, такъ сказать, плебеемъ литературы, а въ этихъ убійственныхъ условіяхъ, въ которыхъ въ то время была поставлена русская общественная жизнь. Они были таковы, что не давали ровно никакихъ матеріаловъ для репортера. Сдавленная въ тискахъ злостной реакціи, общественная жизнь замерла на поверхности и должна была опять и опять скрыться въ подполье.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что репортеру приходилось оперировать съ самыми элементарными данными, въ родѣ указаній на плохія мостовыя и тротуары, на недостатокъ фонарей, на грязь, и т. п. Да и объ этомъ приходилось писать съ оглядками. Выдающійся матеріалъ давали лишь метеорологическія явленія, о которыхъ, смѣшно сказать, посылались даже телеграммы и корреспонденція въ столичныя газеты, какъ напримѣръ, о разлитіи рѣкъ и раннемъ снѣгѣ, о ливняхъ и т. п. При этомъ репортеръ и корреспондентъ, стараясь придать интересъ своимъ извѣстіямъ, непременно прибавляли, что того-то и того-то «не помнятъ даже старожилы», которые, къ слову сказать, никогда и ничего обыкновенно не помнятъ, и всему удивляются, включая и всѣ перемѣны временъ года. Такія событія, какъ появленіе бѣше-

ной собаки, особенно если она, къ счастію репортера, кого-либо покусала, или чья-либо преждевременная смерть, самоубійство— считались шедевромъ. Цѣлый день, бывало, шатаешься по городу, допрашиваешь всѣхъ знакомыхъ,—хоть умри, ни одного извѣстія! Нужно ли говорить, что я спалъ и видѣлъ, какъ бы мнѣ избавиться отъ «Орловскаго Вѣстника». Я ждалъ лишь, когда будетъ издана моя книжка, набиравшаяся только въ свободное отъ другихъ работъ время, подыскивалъ себѣ другую работу, и сталъ писать въ столичную прессу, главнымъ образомъ, въ «Русскія Вѣдомости». Въ концѣ октября 1886 г. кіевская, тогда самая либеральная, цензура, наконецъ, дозволила къ выпуску мою книгу, но она отпечатана была такъ безобразно, съ такимъ количествомъ опечатокъ и ошибокъ, на такой бумагѣ, что могла считаться образчикомъ самаго неряшливаго издательства. Мнѣ стыдно было за мое произведеніе.

И. П. Бѣлоконскій.

Отрывки изъ воспоминаній.

(Посвящается памяти В. Н. Б.).

III 1).

Орловская жизнь.

Нѣкій англійскій издатель на запросъ одного изъ авторовъ,— какъ расходуется его книга,—отвѣтилъ, что она представляетъ изъ себя какъ бы священную реликвию: къ ней покупатели боятся прикоснуться, и книга лежитъ на полкахъ въ томъ количествѣ, въ какомъ была издана. Нѣчто подобное можно было сказать о моемъ, изданномъ «Орловскимъ Вѣстникомъ» произведеніи: «По тюрьмамъ и этапамъ». Отвратительная внѣшность, безобразная бумага, безграмотная корректура, невѣроятное количество опечатокъ дѣлали мою книгу совершенно неудобоваримою духовною пищею, и она тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ сдѣлалась, можно сказать, библиографическою рѣдкостью: книготорговцы сразу оцѣнили ее по достоинству и свалили въ подвалы, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ сплавить антикваріямъ. Отзывъ о ней я встрѣтилъ лишь въ «Русской Мысли». Онъ былъ весьма благопріятный, но опасаюсь, что вызванъ сочувствіемъ къ автору. Нужно ли говорить, что книга не прибавила въ мой тощій кошелекъ ни мѣднаго гроша, и не было надежды, что когда-нибудь прибавитъ. Приходилось немедленно искать работы, чтобы, мало-мальски обезпечивъ удовлетвореніе самыхъ элементарныхъ нуждъ, приступить, наконецъ, къ литературному труду.

¹⁾ См. «Голосъ Минувшаго» за мартъ и іюль-августъ 1916 г.

Думать, собственно, долго не приходилось. Какъ русскому мужику, по словамъ знаменитаго поэта нашего, была нѣкогда только «одна дорога торная—дорога къ кабаку», такъ точно для всякаго рода «неблагонадежныхъ», «бывшихъ», «поднадзорныхъ» интеллигентовъ была тогда единственная почти торная дорога—въ земскую статистику. Но и она строго охранялась церберами государственнаго строя. Наиболѣе типичными представителями такой категоріи субъектовъ въ Орлѣ являлись два лица: губернаторъ—Шидловскій и жандармскій полковникъ—Дудкинъ. Первый былъ помѣшанъ на «престижѣ власти», которую понималъ совершенно такъ же, какъ и городской Гл. Успенскаго,—Мымрецовъ: «держатъ и не пущатъ»,—вотъ былъ лозунгъ Шидловскаго. Въ Орлѣ существовала легенда, что, опасаясь, какъ бы кто не увидѣлъ губернатора въ обыкновенномъ человѣческомъ одѣяніи, Шидловскій даже спалъ въ полной формѣ съ орденами, лентою и звѣздою. Во всякомъ случаѣ фактъ, что съ ранняго утра онъ уже былъ во всѣхъ регаліяхъ и принималъ до смѣшнаго напыщенный видъ. Низенькій, кругленькій, тщательно выбритый брѳнетъ Шидловскій, наряженный въ полную форму, напоминалъ янычскаго идола. По принципу онъ никогда не улыбался, даже глядя въ театрѣ оперетку. Шидловскій требовалъ, чтобы всѣ, не исключая и дамъ, на пріемѣ у него стояли и никому не подавали руки. Земство онъ, конечно, не могъ выносить, и весь свой ограниченный умъ изошрялъ на возможномъ приниженіи мѣстнаго самоуправленія, которое въ его понятіи совершенно не совмѣщалось съ «престижемъ власти». Мало того, Шидловскій свысока относился даже къ «первенствующему сословію», не исключая и предводителей дворянства, хотя самъ ранѣе былъ харьковскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Чтобы показать свое превосходство надъ земствомъ и выборнымъ дворянствомъ, онъ прибѣгалъ къ разнымъ способамъ. Между прочимъ Шидловскій заставлялъ необыкновенно долго ждать себя при открытіи земскихъ собраній. Извѣстятъ его, на примѣръ, о прибытіи законнаго числа гласныхъ часовъ въ 12 дня, а онъ является въ 2—3 часа пополудни. Орловцы говорили, будто земцы однажды возмутились, и гласные разошлись до открытія собранія. Но губернаторъ нисколько не смутился этимъ обстоятельствомъ. Явившись въ пустой залъ дворянскаго дома, онъ... открылъ собраніе!

Втретий яркимъ представителемъ существующаго порядка являлся, какъ я уже сказалъ, жандармскій полковникъ Дудкинъ. Это былъ невѣжественный субъектъ, по слухамъ, изъ кантонистовъ. Онъ прошелъ огонь и воду. Начавъ службу съ низшихъ жандармскихъ чиновъ, Дудкинъ проявилъ такой талантъ въ обла-

сти сыска, что дослужился до полковника. Въ Орелѣ онъ былъ переведенъ, кажется, изъ Москвы, гдѣ особенно отличился по части уловленія крамолы. Въ глазахъ Дудкина все населеніе, кромѣ чиновъ жандармскаго вѣдомства, было совершенно неблагонадежно. Онъ на всѣхъ смотрѣлъ, какъ на необнаруженныхъ государственныхъ преступниковъ. Но излюбленными людьми его были—обнаруженные, т.-е. бывшіе политическіе ссыльные и новые, состоящіе подъ гласнымъ и негласнымъ надзоромъ. Они давали ему чистѣйшій доходъ въ видѣ солидныхъ безконтрольных суммъ, а также—чины и ордена. Передъ каждымъ праздникомъ Рождества Христова и Пасхи у извѣстнаго процента «неблагонадежныхъ» всѣхъ категорій Дудкинъ, пользуясь «временными» правилами 1881 г. объ охранѣ, производилъ обыски и, конечно, кое что находилъ. Это «кое что» въ правовомъ европейскомъ государствѣ не представляло бы никакого повода для преслѣдованія, но у насъ можно было признать преступнымъ даже евангеліе. Восьмидесятые годы въ этомъ отношеніи весьма напоминали режимъ Франціи при Наполеонѣ III. Однажды тамъ извѣстный публицистъ Анри Рошфоръ, издатель и редакторъ знаменитаго «Фэнаря» («Lanterne»), выпустилъ въ свѣтъ подъ фирмою «Фэнаря» нѣкоторыя статьи самого императора, не назвавъ, конечно, автора. Этого было достаточно, чтобы французская цензура наложила veto на произведенія Наполеона III. Тогда Рошфоръ обнаружилъ свою продѣлку и зло высмѣялъ охранителей Франціи. Наполеонъ былъ сконфуженъ, но ничего не могъ подѣлать съ Рошфоромъ, издававшимъ въ то время свой «Lanterne» въ Брюсселѣ, куда бѣжалъ, будучи присужденнымъ въ Парижѣ къ тюремному заключенію на 1 годъ, временному лишенію гражданскихъ политическихъ правъ и штрафу въ 10.000 франковъ. То же самое возможно было въ 80-хъ годахъ и у насъ, при чемъ Дудкинъ, по своему невѣжеству, превзошелъ въ своемъ усердіи многихъ другихъ жандармовъ. Онъ сплошь и рядомъ возбуждалъ самыя нелѣпыя, нестоящія выѣденнаго яйца «дѣла» и не только не пострадалъ отъ этого, а, наоборотъ, быстро шелъ по служебной лѣстницѣ. Нельзя сказать, однако, чтобы орловскіе охранители представляли какое-то исключеніе. Такіе же, и даже много худшіе, властители были во всей Россіи. Во главѣ правительства стояли тогда оберъ-прокуроръ Св. Синода Побѣдоносцевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. Толстой и редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» Катковъ.

Они тщательно поддерживали и охраняли тотъ режимъ, который установленъ былъ еще 8 марта 1881 года въ «погребальномъ» засѣданіи Государственнаго Совѣта, собран-

номъ для разсмотрѣнія «жуцой» Лорисъ-Меликовской «конституціи». Какіе же властители могли удовлетворить требованіямъ побѣдоносцевской рѣчи, одобренной верховной властью? Конечно только самые мрачные реакціонные карьеристы. Говорили, на-примѣръ, что черниговскій губернаторъ, Анастасьевъ, высѣкъ въ черниговскомъ тюремномъ замкѣ не лишённого правъ потом-ственного дворянина. Ошеломленное такою расправою черниговское дворянство обратилось къ прокурорскому надзору. Прокуроръ направилъ къ губернатору одного изъ своихъ товарищей. Послѣдній, возвратившись, заявилъ, что Анастасьевъ показалъ ему бумагу, въ силу которой онъ, губернаторъ, «можетъ перепоротъ всѣхъ насъ». Si n n e vero e ben trovato, но объ этомъ говорили, какъ о фактѣ безусловно достоверномъ.

Судъ въ это время, а слѣдовательно и прокурорскій надзоръ, никакой роли не игралъ, ибо нормальный законъ не только не дѣйствовалъ, но даже ссылка на него почиталась актомъ совершенно неблагонадежнымъ. Законы замѣнялись «правилами» 1881 г. объ охра-нѣ, да безчисленнымъ множествомъ циркуляровъ. Много удивительнаго, что дворянинъ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію въ моментъ наибольшаго покровительства первенствующему сословію. Какъ изъ рога изобилія въ 80-хъ годахъ сыпались на дворянство благодѣянія. Въ 1885 г. былъ открытъ, по случаю столѣтняго юбилея дворянской грамоты, особый дворянскій банкъ, сопровождавшійся манифестомъ, въ которомъ говорилось, чтобы и впредь «дворяне Россійскіе сохранили первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго самоуправленія и суда, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности и здравыхъ началъ народнаго образованія». Въ благодарственныхъ адресахъ дворяне заявили, что желаютъ крѣпкой правительственной власти, которая дозволила бы имъ «спокойно жить въ деревнѣ». Въ 1889 г. было исполнено и это ихъ желаніе: закономъ 12-го іюня названнаго года вводились земскіе начальники, которымъ дана была чисто помѣщичья надъ крестьянами власть, и, такимъ образомъ, произошло частичное возвращеніе крѣпостного права. Но стоитъ вникнуть во всѣ дворянскія реформы 80-хъ годовъ, чтобы убѣдиться, что онѣ имѣли въ виду исключительно крѣпостническіе элементы. Не дворянство, какъ сословіе, призывалось для разныхъ «охранъ», а лишь сторонники рабовладѣльческихъ взглядовъ. Дворянинъ пользовался силою и вліяніемъ лишь постольку, поскольку онъ проявлялъ крѣпостническую тенденцію и вѣрность возведенному въ культъ лозунгу николаевскихъ временъ: самодержавіе, православіе и народность. Дворянинъ же земецъ, даже

дворянинъ, какъ избранникъ своего сословія, особенно же дворянинъ—либераль не только считались внѣ привилегій, но и сугубо преслѣдовались. Особенно неблагонадежными считались тѣ изъ земцевъ, которые отстаивали земскія прерогативы въ рамкахъ Положенія 1864 г. Вообще земство было бѣльмомъ на глазу бюрократіи, и она употребляла всѣ усилія избавиться отъ мѣстнаго самоуправленія. Задачу эту охотно взялъ на себя гр. Д. Толстой. Въ своемъ проектѣ онъ низводилъ земство до уровня расширеннѣй губернаторской канцеляріи. Но въ 1889 г., ненавидимый русскимъ обществомъ, гр. Толстой умеръ, не успѣвъ погубить мѣстное самоуправленіе. Возвращаюсь къ Орлу.

Какъ я уже сказалъ, на пути мсей жизни стояли губернаторъ Шидловскій и жандармскій полковникъ Дудкинъ. Говорили, что излюбленнымъ утреннимъ занятіемъ этихъ «государственныхъ» мужей былъ просмотръ фамилій, прибывшихъ или поселившихся въ Орлѣ за предыдущій день лицъ. Они трепетали отъ удовольствія, когда среди послѣднихъ находили фамиліи, упоминаемыя въ проскрипціонныхъ спискахъ. Тотчасъ же Шидловскій и Дудкинъ, каждый на свой манеръ, избѣгали скрпціоны, чтобы уязвить крамольника. Само собой разумѣется, что я былъ у нихъ на примѣтѣ съ самаго момента появленія на орловскомъ горизонтѣ, и они уже имѣли въ виду различныя «мѣры» для пресѣченія моего благополучія, если бы я возымѣлъ желаніе заполучить таковое. Но работа нужна мнѣ была до зарѣза, и я вынужденъ былъ, во что бы то ни стало, преодолѣть всѣ преграды къ ней. Я отправился къ завѣдующему статистическимъ сдѣленіемъ орловскаго губернскаго земства Е. И. П—ву. Онъ принялъ меня чрезвычайно любезно, обѣщалъ сдѣлать все возможное, чтобы дать мнѣ работу, но предупредилъ, что, въ виду моего прошлаго, сдѣлать это будетъ чрезвычайно затруднительно. «На статистиковъ,—пояснилъ онъ,—смотрятъ болѣе чѣмъ подозрительно,—уже самый фактъ вступленія въ кадры ихъ признается актомъ въ высшей степени предосудительнымъ, а у васъ имѣется еще и собственное слишкомъ яркое клеймо». Пришлось выжидать благопріятнаго момента. Между тѣмъ средства нужны были ежедневно. При такихъ условіяхъ жить съ семьею было бы невозможно, если бы не орловское общество. Оно-то и вывезло меня.

Помимо Н—овой и Ц—выхъ, о которыхъ говорилось ранѣе, я приобрѣлъ еще много знакомствъ среди прекрасныхъ людей, относившихся ко мнѣ и моему семейству съ рѣдкой искренностью и теплотою. Я съ женою близко сошелся съ семействами: В—ыхъ, В—чь, Лео—выхъ, Аб—ъ, инженера Королева, Ч—ыхъ, Баж—хъ,

матерью редактора «Русскихъ Вѣдомостей» С. А. Соболевской, съ учительницами гимназіи В—ой и Дмитрюковой; съ Р—мъ и Б—скими. Знакомство съ послѣдними началось при характерныхъ россійскихъ условіяхъ. При первомъ визитѣ къ Б—мъ я наткнулся на обыскъ, при которомъ распеленали даже новорожденнаго ребенка. Вслѣдствіе такого обстоятельства пришлось знакомство съ Б—ми отложить до болѣе удобнаго времени. Большую роль въ моей орловской жизни сыграла встрѣча съ бывшимъ моимъ учителемъ словесности, Н. А. Вербицкимъ, о которомъ я говорилъ и въ первой части моихъ мемуаровъ. Изъ черниговской гимназіи Вербицкій былъ переведенъ въ Рязань, а оттуда въ Орелъ. Онъ выказалъ самое горячее сочувствіе мнѣ и просилъ обращаться къ нему при всякаго рода тяжкихъ обстоятельствахъ. Особенно цѣнны были услуги Вербицкаго посябъ выхода моего изъ орловской тюрьмы, о чемъ рѣчь будетъ впереди. Благодаря перечисленнымъ знакомствамъ, я могъ бороться съ полиціей, стремившейся лишить меня заработка и, такимъ образомъ, заставить удалиться изъ Орла. Не дождавшись этого, она обезпокоилась и какъ-то прислала околоточнаго узнать, — чѣмъ я занимаюсь? — Литературою, — отвѣтилъ я. — Чѣмъ? — переспросилъ полицейскій чинъ. — Ли-те-ратурою... — Но развѣ это занятіе? — Представьте, что да. — Нѣтъ ужъ, простите, я запишу, что вы не имѣете опредѣленнаго занятія. — Ваше дѣло... Взглядъ околоточнаго надзирателя на литературу являлся точнымъ отраженіемъ взглядовъ на нее и Шидловскаго и Дудкина, и всѣхъ другихъ губернаторовъ и жандармовъ, до главы ихъ — министра внутреннихъ дѣлъ включительно. Литература, дѣйствительно, не только не считалась «занятіемъ», заслуживающимъ вниманія, «опредѣленнымъ», но она еще являлась несомнѣнною характеристикою неблагонадежности. Конечно, такое отношеніе къ литературѣ полицейскихъ невѣждъ и высокопоставленныхъ Фамусовыхъ только поднимало значеніе печатнаго слова и ея представителей, но въ то же время эти невѣжды могли отравить существованіе. При полномъ произволѣ, при неограниченной власти администраціи послѣдняя могла, указывая на отсутствіе «опредѣленныхъ» занятій, выслать меня изъ Орла. По крайнѣй мѣрѣ, такіе случаи бывали съ бывшими ссыльными. Надо было поскорѣе куда-нибудь пристроиться, чтобы было на что сослаться помимо литературы. Я сталъ надѣяться Е. И. П—ву и въ концѣ 1887 г. кое-какъ просунулся въ статистическое бюро.

Положеніе послѣдняго было въ высшей степени шаткое. Земская статистика, возникшая впервые въ Вятской губерніи, въ 1870 г., черезъ шесть лѣтъ послѣ введенія земскихъ учреждений,

представляла чрезвычайно оригинальное, вполне самобытное русское явленіе, подобнаго которому не было въ другихъ странахъ. Въ основу ея было положено сплошное изслѣдованіе на мѣстахъ жизни населенія, изученіе всѣхъ факторовъ народнаго богатства. Въ 1871 г. приступлено было къ экспедиціоннымъ работамъ въ Тверскомъ земствѣ, въ 1874 г. въ Херсонскомъ. Но закрѣпленіе земской статистики, право гражданства она получила, на мой взглядъ, лишь въ 1875 г., когда возникли статистическія бюро въ Московскомъ и Черниговскомъ губернскихъ земствахъ. Рѣшающую роль здѣсь сыграли выдающіеся завѣдующіе бюро:—въ Московскомъ земствѣ В. И. Орловъ, въ Черниговскомъ—П. П. Червинскій. Они выработали своеобразные методы статистическихъ работъ, которые приняты были другими земствами, при чемъ южныя земства, черноземныя, въ общемъ, руководились Черниговскимъ методомъ, а сѣверныя,—суглинистыя,—Московскимъ. Въ нашу задачу не входитъ разбираться въ статистическихъ методахъ, а потому мы прямо перейдемъ къ Василию Ивановичу Орлову, организовавшему статистическое бюро, помимо Московскаго земства, еще въ земствахъ—Воронежскомъ, Курскомъ, Тамбовскомъ и Орловскомъ. По его указаніямъ названныя земства приглашали и завѣдующихъ, при чемъ въ Орловскомъ земствѣ ставленникомъ Орлова былъ кандидатъ правъ Е. П. П.—въ. Уже это одно обстоятельство гарантировало полную добпорядочность Орловскаго статистическаго бюро—Василій Ивановичъ завѣдующими рекомендовалъ лицъ, вполне просвѣщенныхъ и вообще достойныхъ¹⁾. Самъ Орловъ по окончаніи Московскаго университета по юридическому факультету былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ общественнаго права. Но Василій Ивановичъ былъ слишкомъ живой человѣкъ, чтобы запереть себя въ кабинетъ. Его природа болѣе склонна была къ широкой общественной дѣятельности, и онъ избралъ земское поприще. Когда въ 1875 г. Московское земство обратилось къ Орлову, читавшему статистику въ Александровскомъ военномъ училищѣ, съ предложеніемъ организовать бюро при губернской управѣ, онъ охотно

¹⁾ Е. И. П.—въ происходилъ изъ духовнаго званія и былъ даже священникомъ. Овдовѣвъ, онъ рѣшилъ разстричься. Этотъ актъ сопровождался чрезвычайно тяжкою процедурою. По обычаю его сначала «увѣщевало» епархіальное начальство. Затѣмъ «разстригали», т.-е. публично сняли рясу, подрясникъ и т. д. и облекли въ простое «мірское одѣяніе». Наконецъ П.—въ лишенъ былъ на нѣсколько лѣтъ права проживанія на своей родинѣ и поступленія на государственную службу. Разстригшись, П.—въ поступилъ въ московскій университетъ и окончилъ его кандидатомъ правъ. Вообще это былъ способный и талантливый человѣкъ, но очень мягкій и слабохарактерный, что имѣло для него много тяжелыхъ послѣдствій.

взялся за это, а потомъ, какъ мы уже говорили, организоваль работы и въ другихъ земствахъ. Въ 1885 г. Орловъ скончался, и въ Московскомъ Статистическомъ «Ежегодникѣ» обширный некрологъ о немъ заканчивался такъ: «... Земство лишилось съ его смертью одного изъ наиболѣе дѣятельныхъ своихъ работниковъ, общество потеряло въ немъ одного изъ рѣдкихъ общественныхъ дѣятелей, русское крестьянство лишилось въ немъ выразителя своихъ интересовъ, его товарищи-сотрудники потеряли одного изъ лучшихъ своихъ друзей, но созданное имъ дѣло земской статистики и результаты этого дѣла живутъ и не умрутъ, какъ и все, являющееся созданиемъ крупной нравственной личности, каковъ былъ покойный». Однако, въ 80-хъ годахъ земская статистика близка была къ полной гибели, какъ, впрочемъ, и самое земство. У насъ, въ Россіи, каждое учрежденіе, не имѣющее бюрократической окраски, существуетъ въ своемъ первоначальномъ видѣ самое короткое время. Для такихъ учреждений является, обыкновенно, весьма непродолжительная, — выражаясь фигурально, — «весна», затѣмъ — прямо наступаетъ хмурая «осень», а потомъ — «зима», которая своими выюгами и морозами и убиваетъ учрежденіе. И такого рода явленія объясняются весьма просто. Хотя въ 1861 г. и пало у насъ крѣпостное право, но крѣпостничество осталось неприкосновеннымъ. Оно прячется, когда государственный организмъ проникается хотя небольшимъ свѣтомъ свободы, и подымаетъ голову, при наступленіи реакціоннаго мрака. А такъ какъ свобода у насъ явленіе рѣдкое, возникающее случайно и на самое короткое время, то реакція, за малымъ исключеніемъ, царитъ почти постоянно.

Для земской статистики послѣ короткой «весны» въ первой половинѣ 70-хъ годовъ въ 80-хъ сразу настала зима. Холодомъ повѣяло и отъ крѣпостниковъ дворянъ, и отъ правительства. Первые испугались, что статистики, разлѣзая по селамъ и деревнямъ и спрашивая каждого домохозяина, вскроютъ всю подноготную экономическаго положенія крестьянства, а полиція боялась пропаганды среди народа. Реакціонное дворянство съ удовольствіемъ восприняло эту послѣднюю точку зрѣнія, и на статистиковъ посыпались доносы какъ со стороны помѣщиковъ, такъ и со стороны полицейскихъ властей.

И было не мало формальныхъ данныхъ, чтобы «бояться» статистиковъ. Первые кадры ихъ, несомнѣнно, образовались изъ активныхъ народниковъ, тѣхъ, что или «ходили» ранѣе въ «народъ», или видѣли въ экспедиціонныхъ работахъ осуществленіе ихъ мечты — проникнуть легально въ народную среду и детально изучить ее. Вообще, въ первое время земскими статистиками дѣла-

лись люди принципиальные, искренно стремившіеся принести народу пользу, какъ они ее понимали. Въ этотъ періодъ русской жизни, пожалуй, и не было среди интеллигенціи лицъ иного направленія, и только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить быстрое развитіе земской статистики при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ для статистиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, служба въ статистическомъ бюро не только не дѣлала карьеры, но, наоборотъ, компрометтировала каждое лицо, вступившее въ него, накладывая неизгладимое клеймо неблагонадежности. Зѣтѣмъ, оплата статистическаго труда была нищенская, а онъ требовалъ массы времени и силъ, не говоря уже о тѣхъ лишеніяхъ, которыя приходилось претерпѣвать статистику во время объѣзда сель, деревень и хуторовъ.

Но идейные люди все это выносили, не замѣчая даже трудности своего пути. Сплошь да рядомъ бывали такіе случаи, что статистики, отправившись раннею весною на изслѣдованія, такъ увлекались подворною переписью, что въ теченіе всего лѣта не возвращались въ городъ за полученіемъ жалованья, перебиваясь въ селеніяхъ, чѣмъ Богъ послалъ. Завѣдующіе бюро нерѣдко вынуждены были «розыскивать» служащихъ, пропавшихъ, какъ говорится, безъ вѣсти, чтобы снабдить ихъ деньгами. И часто поиски эти были тщетны. Только къ концу лѣта возвращались статистики, исполнивъ свои работы.

Орловское статистическое бюро напоминало, по отношеніямъ къ нему губернской земской управы, заразный баракъ. Водворенное въ третьемъ этажѣ, оно было совершенно изолировано отъ губернской земской управы. Ни предсѣдатель, П. П. Шеншинъ, ни члены управы не переступали порога бюро, а служащіе боялись посѣщать его, чтобы не скомпрометтировать себя въ смыслѣ благонадежности. Управа сносила лишь съ завѣдующимъ и знать не хотѣла остальныхъ служащихъ. Только при полученіи жалованья приходилось имѣть дѣло съ членомъ управы, Римскимъ-Корсаковымъ, котораго далеко нельзя было упрекнуть въ любезности по отношенію къ статистикамъ, а нерѣдко онъ былъ до неприличія грубъ съ ними. Е. И. П.—въ, повидавшись съ членами управы, ежедневно сообщалъ сюрпризы для статистическаго отдѣленія. То «полиція требуетъ списокъ всѣхъ его служащихъ», то «губернаторъ указываетъ на неблагонадежность статистиковъ», то «полученъ доносъ» изъ какого нибудь уѣзда, то «не утвердили» такого-то, а у такого-то «былъ обыскъ и отобраны статистическіе матеріалы». Завѣдующему сплошь да рядомъ приходилось «выручать» у жандармовъ отобранныя при обыскахъ данныя изслѣдованія. Но особенно тяжкое положеніе создавалось въ

моментъ приготовленія къ экспедиціоннымъ работамъ и при объѣздахъ. Для подворныхъ переписей, помимо постоянныхъ служащихъ, необходимо было приглашать временныхъ «регистраторовъ» для переписи. Вотъ тутъ и начиналась процедура. Невзирая на существованіе опредѣленнаго закона, что администрація обязана въ теченіе не болѣе двухъ недѣль дать положительный или отрицательный отвѣтъ о посланныхъ на ея утвержденіе лицахъ, орловскій губернаторъ, какъ вѣроятно и всѣ губернаторы, не обращалъ на этотъ законъ никакого вниманія. Для земства создавалось невозможное положеніе, весьма часто грозившее серьезною опасностью для населенія. Вспыхнетъ, напримѣръ, эпидемія въ какомъ-либо уѣздѣ, а губернаторъ ничего не отвѣчаетъ на бумаги, въ которыхъ земство, прилагая документы медицинскаго персонала (врачей, фельдшеровъ, сидѣлокъ и т. п.), проситъ разрѣшить имъ ѣхать для борьбы съ эпидеміей. Населеніе мретъ, а администрація, «выясняя благонадежность», не позволяетъ лѣчить его! Со статистиками возни было еще больше. Земству поэтому приходилось воровскимъ образомъ производить работы. Оно на свой страхъ и рискъ посылало неутвержденныхъ лицъ впредь до отвѣта губернатора. Благодаря этому обстоятельству, и мнѣ впервые въ 1888 году удалось конспиративно побывать на переписи. Безъ преувеличенія скажу, что я трепеталъ отъ радости, когда мнѣ предложено было отправиться въ одинъ изъ уѣздовъ для переписи нѣкоторыхъ деревень. До ссылки я не имѣлъ почти представленія о земствѣ, хотя, какъ радикаль, относился свысока къ этому «буржуазно-дворянскому учрежденію».

Лишь сдѣлавшись народнымъ учителемъ, когда, какъ я писалъ въ I части, воочію убѣдился въ глубочайшемъ невѣжествѣ неграмотной деревни, я пришелъ къ сознанію въ необходимости, во-первыхъ, детальнаго изученія народной жизни и, во-вторыхъ,—въ неотложности просвѣщенія. Тогда я понялъ громадное значеніе земства, но ссылка прервала мою дѣятельность въ этомъ направленіи. Однако взгляды мои не измѣнились, и легальное изученіе деревни осталось моею мечтою. И вдругъ мечта эта сбылась! Къ своей работѣ я приступилъ со священнымъ благоговѣніемъ. Въ первый же день въ моихъ рукахъ очутились неоцѣненные матеріалы, подлинныя человѣческіе документы, настоящая, какъ она есть, крестьянская жизнь, въ раны которой, выражаясь фигурально, я вложилъ свой перстъ! Почти одновременно стали налаживаться и литературныя мои дѣла. Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» то и дѣло появлялись мои обширныя корреспонденціи, а въ концѣ 1888 года былъ принятъ въ этомъ ува-

жаемомъ органѣ мой первый фельетонъ: «Среди сибирскихъ инс-родцевъ». ¹⁾).

Въ то же время надо мною собиралась гроза, разразившаяся весною 1889 г. Въ этомъ году въ Орлѣ арестованъ былъ маститый революціонеръ-якобинецъ Петръ Григорьевичъ Зайчневскій. Землевладѣлецъ Орловской губ., Мценскаго уѣзда, сынъ генерала и княгини Юсуповой, на которой былъ женатъ отецъ, Зайчневскій уже въ раннемъ юношескомъ возрастѣ вступилъ на революціонный путь, съ котораго не сходилъ до самой кончины. Впервые арестованный 19-ти лѣтъ, Зайчневскій былъ сосланъ на каторгу²⁾.

Отбывъ послѣднюю, онъ былъ водворенъ на поселеніе въ Забайкальской области, а въ 1869 г. получилъ разрѣшеніе на возвращеніе въ Россію, при чемъ былъ восстановленъ во всѣхъ правахъ. Въ періодъ времени между первымъ возвращеніемъ и орловскимъ арестомъ Зайчневскій былъ административнымъ порядкомъ, срокомъ на пять лѣтъ, высланъ въ сѣверныя губерніи Европейской Россіи.

Возвращаясь къ орловскому дѣлу Петра Григорьевича, скажу, что съ нимъ я былъ очень мало знакомъ и рѣшительно никакихъ дѣловыхъ отношеній у меня съ нимъ не было. Встрѣчалъ я его разъ пять-шесть у общихъ знакомыхъ. Высокаго роста, съ громадной шевелюрою сѣдыхъ волосъ на большой головѣ, съ крупными чертами лица, Зайчневскій производилъ впечатлѣніе высоко просвѣщеннаго, искренняго, сердечнаго и чрезвычайно добродушнаго человѣка. Трудно было повѣрить, что онъ былъ когда-то сторонникомъ беспощадной кровавой революціи, какъ это значилось въ извѣстной прокламаціи 1860 г.—«Молодая Россія», въ составленіи которой Петръ Григорьевичъ участвовалъ. Тѣмъ большее сомнѣніе возбуждало увѣреніе его сторонниковъ, что и «теперь онъ остался такимъ же»³⁾. Но во всякомъ случаѣ для Дудкина Петръ Григорьевичъ представлялъ болѣе чѣмъ лакомый кусокъ. Вымыслить «дѣлс» съ участіемъ лица столь извѣстнаго, еще разъ «спасти» Россію отъ такого крупнаго «разрушителя основъ»,—

¹⁾ Подробныя воспоминанія мои о сотрудничествѣ въ «Русск. Вѣдом.» напечатаны въ изданномъ въ Москвѣ въ 1913 г. по случаю 50-ти лѣтняго юбилея «Русскихъ Вѣдомостей» Сборникъ: «Русск. Вѣдом. 1863—1913».

²⁾ Студентъ московскаго университета, Петръ Зайчневскій за произнесеніе публично рѣчей возмутительнаго содержанія въ г. Подольскѣ къ крестьянамъ и въ оградѣ московской римско-католической церкви къ полякамъ и распространеніе запрещенныхъ фотографированныхъ и печатныхъ сочиненій былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы на заводы на 2 года и 8 мѣсяцевъ. Резолюцію Государя 1 ноября 1862 г., которой срокъ работъ былъ уменьшенъ до одного года. «О минувшемъ. Историческій сборникъ». 1909 г., стр. 178. *Ред.*

³⁾ О Зайчневскомъ въ это время въ Орлѣ (м. «Быль») 1906 г. № 11, стр. 57. *Ред.*

для жандармовъ было болѣе чѣмъ заманчиво, ибо такого рода «государственное дѣло» сулило, конечно, великія милости. Дудкинъ долго подкрадывался къ Петру Григорьевичу и, наконецъ, въ 1889 году, набросился на свою добычу. Одновременно онъ произвелъ обыскъ и арестовалъ знакомыхъ Зайчневскаго. Конечно, какъ и при всякихъ обыскахъ, кое-что было найдено. Между прочимъ, у кого-то въ Саратовѣ, что ли, было найдено письмо, въ которомъ кто-то писалъ изъ Орла, что я нисколько не измѣнился въ ссылкѣ, возвратившись бодрымъ и энергичнымъ. А при обыскѣ въ Петербургѣ у В—скаго найдено было письмо, въ которомъ говорилось, что я думаю издавать газету. Еще въ какомъ-то письмѣ я назывался не Бѣлоконскимъ, а литературнымъ псевдонимомъ моимъ—«Петровичъ», проставленнымъ, къ слову сказать, рядомъ съ моею фамиліею на выше названной книгѣ моей—«По тюрьмамъ и этапамъ». Вотъ этихъ-то писемъ было совершенно достаточно, чтобы произвести у меня обыскъ, при которомъ найдены были письма ко мнѣ Кеннана на англійскомъ языкѣ и нѣсколько главъ изъ его статей,—«Siberia and the exile system», печатавшихся въ это время въ американскомъ «The Century Magazine», редація котораго посылала Кеннана въ Сибирь. Скажу здѣсь къ слову, что когда этотъ американскій публицистъ получилъ письмо отъ моей жены съ извѣщеніемъ о постигшемъ меня бѣдствіи, то, какъ мнѣ тогда передавали читавшіе, прислалъ въ лондонское «Times» телеграмму, гласившую: «мой другъ Бѣлоконскій арестованъ». И долженъ сказать, что слово «другъ» не было пустымъ звукомъ. Кеннанъ называлъ меня «своимъ другомъ» еще когда уѣзжалъ изъ Минусинска. Но, по правдѣ сказать, я думалъ, что это простая любезность. Полагаю, что большую роль въ моемъ сомнѣніи сыграло впитанное съ молокомъ матери недовѣріе къ «хитрымъ англичанамъ и янки». Какъ, вѣроятно, и всякій народъ, мы только самихъ себя считаемъ верховъ сердечности, довѣрія и искренности, чего, въ дѣйствительности, конечно, нѣтъ. Оказалось однако, что Жеръжъ Кеннанъ не пускалъ словъ на вѣтеръ. Какъ только сообщилъ я ему о своемъ освобожденіи и пріѣздѣ въ Европейскую Россію, онъ тотчасъ же завелъ со мною переписку. Но, какъ гражданинъ свободной страны, Кеннанъ, невзирая на знаніе Россіи, все же никакъ не могъ освоиться съ русскимъ безправіемъ, произволомъ, полнымъ отсутствіемъ гарантіи личности и жестокими преслѣдованіями за проявленіе малѣйшаго свободомыслія. Поэтому первыя письма его были до такой степени неосторожны, что я, уничтожая ихъ, поспѣшилъ попросить писать съ опаскою. Онъ, извиняясь, обѣщавъ «исправиться», но не могъ свободный человѣкъ унижаться

до уровня полицейскаго государства и продолжалъ писать такого рода письма, что пришлось подавляющее большинство ихъ съ великимъ горемъ предавать огню. И хорошо я сдѣлалъ: если бы ихъ нашли у меня,—не миновать бы мнѣ вторично Сибири.

Дружба Кеннана проявилась и въ томъ, что онъ предложилъ мнѣ сотрудничать въ «The Century Magazine», при чемъ брался безвозмездно переводить мои статьи на англійскій языкъ. Я и хотѣлъ воспользоваться этимъ въпольѣ дружескимъ и крайне важнымъ для меня предложеніемъ, но арестъ не позволилъ мнѣ сдѣлать это.

Перехожу къ обыску. Помимо печатныхъ оттисковъ статей Кеннана, найдены были переводы ихъ, чѣмъ занималась жена. У нея же отобрали приобрѣтенную въ одномъ изъ московскихъ книжныхъ магазиновъ книгу Леруа-Болле «L'Empire des Tsars et les Russes». Одну главу изъ этой книги, относящуюся къ Сибири, перевелъ я, остальные переводила жена. Все это забрали. Наконецъ, у меня нашли матеріалы по устройству вечера въ пользу литературнаго фонда. Они то и послужили къ сочиненію Дудкинымъ высоко-комичнаго «дѣла», о которомъ въ свое время я писалъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»¹⁾. Жандармскій полковникъ лелѣялъ мечту, что оно, это избрѣтенное имъ «дѣло», сулитъ главному дѣйствующему лицу, быть можетъ, каторгу, а остальнымъ—ссылку на поселеніе или, во всякомъ случаѣ, административную ссылку въ Сибирь. Но вышло нѣсколько иначе. Если Дудкинъ и добился, что Зайцевскаго ни-за-что—ни-про-что выслали на пять лѣтъ въ Восточную Сибирь²⁾, то для меня дѣло закончилось гласнымъ надзоромъ въ Орлѣ же.

Долженъ однако признаться, что когда опять, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ перваго ареста, захлопнулась за мною дверь камеры, меня охватило тяжелое чувство. Быть можетъ оно вызывалось и тѣмъ, что за нѣсколько дней до ареста я былъ охваченъ горемъ, которое пережила вся мыслящая Россія: 28 апрѣля 1889 г. скончался великій русскій сатирикъ, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ-Щедринъ. Съ трудомъ удалось мѣстной интеллигенціи отслужить по писателѣ панихиду, на которой, въ качествѣ соглядатаевъ, Дудкинъ прислалъ нѣсколько нижнихъ жандармскихъ чиновъ. Казалось, что служилась панихида не только по Щедринѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по русскому слову, русской мысли, русской общественности. Въ могилу сошелъ бичъ по-

¹⁾ № 22 за 1910 г.: какъ я поплатился за устройство вечера въ пользу «Литературнаго фонда».

²⁾ 11. 1 р. Зайцевскій умеръ въ 1895 г. въ Смоленскѣ. *Ред.*

лицейско-бюрократическаго строя, мощное перо котораго заставляло трепетать насильниковъ и проходимцевъ, властвовавшихъ надъ измученною страню. И некому, думалось, теперь защитить ее... Жандармы, казалось, злорадно улыбаются... Оставался еще одинъ геніальный и въ то же время грозный русскій писатель — гр. Л. Н. Толстой. Но носились опредѣленные слухи, что Побѣдоносцевъ ждетъ не дожидается, когда, наконецъ, возможно будетъ избавиться и отъ него. Говорили, что лишь «боязнь передъ Европою» ограждала Л. Н. отъ ссылки. Россійскій Торквемада еще въ самомъ началѣ 80-годовъ точилъ на него зубъ, когда гр. Толстой обратился къ верховной власти съ письмомъ о помилованіи участниковъ событія 1-го марта. А что писатели вообще не гарантированы были отъ административной ссылки за дѣйствіе только словомъ, тому доказательствомъ служить ostracismъ 54-хъ лѣтъней извѣстной писательницы М. К. Цебриковой, за обнаруженіе въ 1889 г. весьма корректнаго открытаго письма съ совѣтомъ объ улучшеніи государственнаго строя. Помимо такого рода тяжелыхъ мыслей, въ моемъ настроеніи немалое значеніе имѣли, конечно, и годы. Впервые я былъ ввергнутъ въ тюрьму почти юношей, а теперь мнѣ исполнилось уже тридцать четыре года. Къ этому прибавилось еще чувство досады, что арестованъ я ни-за-что—ни-про-что. Наконецъ, третье и самое ужасное чувство, охватившее меня, это было чувство безпомощности. Мракъ реакціи былъ такъ безпросвѣтенъ, произволь такъ ужасенъ, что терялась вѣра въ самое элементарное правосудіе, и мучила мысль о возможности вторичной ссылки, уже безъ всякаго основанія, и о полной необезпеченности всего семейства. «Что будетъ дѣлать мой вѣрный другъ, моя дорогая жена?» — терзался я вопросомъ. Но первое же свиданіе съ Валеріей Николаевной не только успокоило, но окрылило меня. Подавивъ горе, затаивъ муки, она, бодрая и веселая, явилась ко мнѣ въ сопровожденіи адъютанта Дудкина, молодого жандармскаго офицера Кравченко, не безъ гордости, къ слову сказать, заявившаго, что онъ—родственникъ извѣстныхъ князей П. А. и А. А. Кропоткиныхъ, изъ которыхъ Алексѣй Александровичъ былъ со мною въ ссылкѣ въ Минусинскѣ, и о немъ я довольно подробно писалъ въ I части воспоминаній.

Жена немедленно стала утѣшать и ободрять меня. «Боже мой,—при этомъ думалъ я,—что бы было при такихъ условіяхъ съ женою-мѣщанкою (конечно—не по происхожденію, а по внутреннему содержанію), съ женою-обывательницею! Сцены, жалобы на судьбу,—какъ жить? что дѣлать?». Но ничего подобнаго не

было съ Валерією Николаевною. Свое экономическое положеніе она представляла въ блестящемъ состояніи. Въ доказательство принесла мнѣ, помимо предметовъ первой необходимости, еще и много лакомствъ. И въ теченіе всѣхъ 9-ти мѣсяцевъ моего заточенія я не только ни въ чемъ не нуждался, но всего, что дозволялось имѣть въ тюрьмѣ, было у меня въ изобиліи. Валерія Николаевна снабжала меня и книгами. Наконецъ, въ одно изъ свиданій, она сказала: «помни, мой другъ, что какая бы ни постигла тебя судьба—я, какъ и раньше, раздѣлю ее съ тобою и уѣду, если нужно будетъ, туда, куда тебя пошлютъ».—А семья?—спросилъ я, еле сдерживая слезы благодарности.—«Какъ-нибудь устроимся,—вѣдь жили-же какъ-то до сихъ поръ». Словомъ, жена опять и опять являлась для меня ангеломъ-хранителемъ, моею отрадою и незыблемою поддержкой. Только по выходѣ изъ тюрьмы узналъ я, что, во-первыхъ, по ея письму, мнѣ высланъ былъ авансъ изъ «Русскихъ Вѣдомостей», а во-вторыхъ, и это главное,—Валерія Николаевна, получая тайно сдѣльную работу изъ статистическаго бюро, трудилась отъ зари до зари, чтобы обставить мою тюремную жизнь всѣми возможными удобствами. Я сказалъ, что жена получала работу «тайно». Почему?—можетъ возникнуть вопросъ у лицъ, не переживавшихъ 80-хъ годовъ—вѣдь она же не совершила никакого преступленія? Да, но это взглядъ европейскій, а у насъ руководствовались азіатскими обычаями: если даже неосновательно обвиняютъ кого-либо въ государственномъ преступленіи, то отвѣчаетъ не только онъ самъ, но и всѣ родственники и даже знакомые. Поэтому статистическое бюро подъ страхомъ большихъ непріятностей, включая закрытіе, не имѣло права «женѣ преступника» давать работу.

Дико, но это фактъ. Противовѣсомъ такой дикости, граничащей со звѣрствомъ, была тайная, но упорная оппозиція со стороны общества, изобрѣтавшего всѣ способы, чтобы бороться со свирѣпостью административной оргіи. Между прочимъ мои знакомые нерѣдко присылали черезъ жену все, что только принималось въ тюрьмѣ. Благодаря всему сказанному, я безъ труда перенесъ 9-ти-мѣсячное одиночное заключеніе.

Вышелъ я изъ тюрьмы въ декабрѣ 1889 г., какъ разъ наканунѣ окончанія 80-хъ годовъ. Въ теченіе всей жизни я не переживалъ болѣе томительнаго, сѣраго, пошлаго и жестокаго періода. Онъ былъ крестомъ для 60-хъ и 70-хъ годовъ. Все думающее, мыслящее, стремившееся къ свѣту, истинѣ, знанію—все это было загнано въ подполье. На поверхности царили ничтожные, жалкіе «чеховскіе» типы, принижавшіе и осквернявшіе всѣ высокіе мечты и идеалы, къ которымъ только прикасались. Пресса

была окончательно придушена. Царили лишь три газеты: «Московскія Вѣдомости» Каткова, «Кіевлянинъ» Шульгина и «Южный Край» Іозефовича. Въ обѣихъ столицахъ нашихъ нерѣдко бывали реакціонные органы. Что же касается провинціи, то пресса ея всегда была оппозиціонная, протестовавшая [даже изъ-подъ самыхъ жестокихъ цензорскихъ тисковъ. Поэтому «Кіевлянинъ» и «Южный Край» являлись исключеніемъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что поскольку лелѣяла ихъ реакція, постольку презирало общество. Но ловкіе дѣльцы и ренегаты, не имѣвшіе никакихъ взглядовъ, пользовались благопріятнымъ моментомъ и энергично ловили рыбу въ мутной водѣ, набивая карманы и строя дома. Если бы какимъ-либо образомъ измѣнился режимъ и явился спросъ не только на либерализмъ, но на социализмъ, даже, пожалуй, на анархизмъ, съ солиднымъ, конечно, доходомъ отъ перемѣны курса, они, конечно, немедленно продали бы свои перья и перемѣнили бѣлыя одежды даже на ярко-красныя. Въ то же время подавляющее большинство провинціальной прессы, стремившееся бороться съ мрачною реакціею, желавшее отстоять права человѣка и гражданина, не гнувшее спины и не лакействовавшее—влачило жалкое существованіе, вѣчно находясь подъ дамокловымъ мечомъ цензуры, губернаторовъ, вице-губернаторовъ и всѣхъ вообще властей духовныхъ и свѣтскихъ.

И все это вмѣстѣ взятое, т.-е. гнетъ, произволъ, беззаконіе, закрѣпощеніе народа и т. д.—называли потомъ «умиротвореніемъ» страны. Къ «миротворческимъ актамъ, вѣроятно, относили возвращеніе въ 1883 году и поселеніе въ Астрахани знаменитаго русскаго писателя Н. Г. Чернышевскаго, приговореннаго въ 1864 г. къ семилѣтнимъ каторжнымъ работамъ послѣ двухлѣтняго предварительнаго заключенія въ Петропавлевской крѣпости, да представленіе права въ 1888 г. эмигранту, участнику событій 1-го марта, Льву Тихомирову, возвратиться въ Россію послѣ того, какъ вышла въ свѣтъ на русскомъ и французскомъ языкахъ его брошюра «Почему я пересталъ быть революціонеромъ». Нужно ли послѣ этого говорить, что «умиротвореніе» была одна фикція. Но, какъ рѣка, задержанная въ своемъ теченіи или разливаясь, или ищетъ иныхъ ходовъ, такъ и жизнь многомилліоннаго народа не могла быть обращена въ вѣчное прозябаніе. Я уже говорилъ, что все протестующее ушло въ подполье.

И. П. Бѣлоконскій.

Отрывки из воспоминаний.

(Посвящается памяти В. Н. Б.).

IV.

Орловская жизнь¹⁾.

„Не бывать бы счастью, да несчастье помогло“ — вот что должно было бы взять эпиграфом для государства российского. В нем реакция никогда не прекращалась сама собою, в силу добровольного стремления правящих классов следовать по пути, ведущему к благу родины. Она ослабевала лишь под напором какого-либо выдающегося бедствия, грозившего катастрофой. А так как 80-е годы прошли для реакции вполне благополучно, то она, загнав в подполье всю русскую жизнь, торжественно вошла и в 90-е годы. Ее вождением было прикончить со всеми реформами 60-х годов, оставив лишь их заголовки, если можно так выразиться. Освобождение крестьян было парализовано, как мы знаем, уже в самом конце 80-х годов „близкою к народу властью“, т.-е., земскими начальниками. Девяностые же годы начинались новыми подарками крепостникам вообще и имущим классам в частности. В 1890 году было „реформировано“ земство, в 1891 г. — положено начало гонения на евреев, при чем из Москвы было выселено 17.000 ремесленников-евреев, живших в столице на основании закона 1865 г., т.-е., ровно 36 лет. В 1892 г. было „реформировано“ Городовое положение, в 1894 году начался „пересмотр“ гордости России — судебных уставов 1864 и в том же году было запрещено штундистам устраивать молитвенные дома.

Но я слишком забегаю вперед. Возвращаюсь к самому началу 90-х годов, к первому году их, когда до некоторой степени удовлетворено было следующее за земскими начальниками вождение крепостнических элементов дворянства — земская „реформа“. Говорим „до некоторой степени“, так как они и бюрократия желали вовсе уничтожить земские учреждения, превратив их в канцелярии при губернаторах, и в таком духе гр. Д. Толстой сочинил проект. Но, как мы говорили ранее, смерть этого ненавистного всем реакционера не дала ему возможности защищать

¹⁾ См. „Голос Минувшего“ за март, июль-август 1916 г. и январь 1917 г.

свою „реформу“, и земское полжжение вышло уже из рук Государственного Совета, хотя и превратившего земство в учреждение узко-сословное, чисто-дворянское, но все же оставившего некоторые контуры самоуправления. Казалось, что земство при таких условиях должно было бы совершенно не отвечать своему положению. Но самовлюбленная реакция проглядела три обстоятельства, проторившие для земства совершенно иной путь, тот именно, которого всего больше боялось правительство.

Обстоятельствами этими были: во-первых — земские служащие или „третий элемент“, как их определил самарский вице-губернатор Кондоиди, — во-вторых — прорвавшееся земское конституционное движение, придушенное 80-ми годами, и в-третьих — необходимейшее для России лекарство — бедствие. Оно явилось в виде жестокого недорода и не менее жестокой холеры и свирепствовало почти три года — 1891, 1892 и 1893 годы. Земские учреждения давно указывали на ненормальное положение у нас дела народного продовольствия и тяжкие условия крестьянской жизни. Последние подтверждались данными земской статистики. Но правительство не только не обращало на это никакого внимания, а даже, совместно с крепостниками, видело в „мусировании“ продовольственного вопроса стремление земства вообще и земских статистиков в особенности — дискредитировать власть. Несомненно, что оно не обратило бы внимания и на голод в 1891 г., если бы на арену не выступило земство со своим „третьим элементом“. Но лишь только местное самоуправление проявило стремление к удовлетворению народных нужд, как министерство внутренних дел, которым управлял тогда один из представителей реакции, стас-секретарь И. Н. Дурново, вошло в Государственный Совет с „обстоятельной“ запискою, в которой доказывалась невозможность самостоятельной работы земства в продовольственном вопросе. Однако, земские учреждения не обращали внимания на этот протест и решили действовать согласно земского взгляда на продовольственное дело. Закипела характерная борьба администрации с земством, в которой активное участие принял и „третий элемент“. Вот эта-то борьба и была одним из проявлений освобождения русского общества от тисков реакции 80-х годов. Завязалась она и в Орле, при чем на этой почве произошло мое сближение с земством уже как равноправного со вторым, выборным земским элементом. Но прежде чем сказать об этом, считаю необходимым сообщить перемены, происшедшие в составе Орловской Управы и статистического бюро.

Администрация готребовала удаления заведующего статистическим отделением Е. П. Победоносцева. Шидловский и Дудкин считали его неблагонадежным за то, что он принимал в состав бюро и давал работы таким, как я, например, лицам, находившимся под гласным или негласным падзором полиции, хотя этого мог и не знать заведующий отделением.

П—в был человек образованный, талантливый и опытный статистик, и его уход не мог не отразиться на работах бюро. Эта потеря тем более была чувствительна для Орловской статистики, что ее покинул, переехав в Москву, и другой выдающийся статистик, бывший, можно сказать, правой рукою П—ва, Н. Н. Черненко. Заведывание статистикой перешло к кандидату математических наук И. Н. Львову, но не надолго. Скоро его заменил Астафьев. Это был добрейшей души слабохарактерный и больной человек. О статистике он не имел ни малейшего представления, и совершенно непонятно, как он попал в заведующие. При нем статистическое бюро разрослось до невероятных размеров, так как Астафьев никому не мог отказать. В число служащих попало немало прекрасных и талантливых людей, но не имевших никакого отношения к статистике и пристроившихся к ней ради достижения иных целей. Между прочим, в составе бюро было значительное число членов партии народного права, о которой речь впереди. Исключение составлял, пожалуй, один только А. В. Пепехонов. Высоко-одаренный человек этот соединял в своем лице и члена названной партии, и трудоспособного статистика, и талантливого публициста, как это скоро выяснилось. К печальным условиям для Орловской статистики присоединилось и то еще обстоятельство, что, за ничтожным исключением, никто администрацию не был утвержден, вследствие чего трудно даже было собирать материалы, невзирая на все ухищрения статистического бюро и старание земской управы. Севский уезд, например, был обследован почти, что называется, воровским образом. В это время единственным, кажется, утвержденным был старый статистик Попков. Но понятная вещь, что один он не мог описать уезд. Управа на свой страх и риск решила послать некоторых неутвержденных, а в том числе и меня. Но мы все отлично понимали, что, раз об этом узнает губернатор, он немедленно предпишет всех возвратить обратно, а, быть может, — и арестовать. Между тем — страшно хотелось описать уезд нелегальным образом. И вот, статистическое бюро решило, во-первых, производить обследование самым быстрым темпом, спешно переезжая из села в село, из деревни в деревню, чтобы не нагнал пристав данного стана, а во-вторых, в случае запроса со стороны сельских властей, включая урядников, именовать себя, не показывая бумаг, „Попковым“. Но, увы, весьма быстро обнаружилась нелегальность работников. Шидловский поднял невероятную бучу, и председатель управы В. М. Козлов лично явился в Севский уезд, чтобы как-нибудь уладить дело. За помощью он обратился к севскому уездному предводителю дворянства Афросимову, у которого и было устроено совещание с вызванными из уезда статистиками. Ничего революционного, конечно, не выяснилось. Сделалось известным лишь то, что и ранее знали и в чем не было, в сущности говоря, решительно никакого преступления: в уезд управою были отправлены

лица, посланные на утверждение губернаторам более двух недель тому назад. На совещании было указано на 107 ст. Полож. о Земск. Учрежд. которая, при определении, перемещении и увольнении земских служащих, требует применение ст. 286 общего учреж. губернского, а в конце этой статьи говорится: „неполучение от губернатора уведомления в течение 2-х-недельного срока, признается за изъявление им согласия на определение или перемещение чиновника“. К сожалению, В. М. Козлов, при всех своих прекрасных качествах, был человек не храброго десятка, а севский предводитель дворянства, как все почти предводители, вовсе не склонен был защищать статистику. Поэтому постановлено было — немедленно исследование прекратить и ехать всем обратно в Орел. „Это, ведь, в законе так написано — объяснял председатель управы свою боязнь, — а в действительности извольте-ка судиться с губернатором“.

Нам, статистикам, такое решение было просто ужасно. Мы описали уже весь уезд, и вдруг... И вот, на тайном нашем совещании мы вынесли такую резолюцию: „возвращаясь в Орел — попутно заниматься обследованием уезда“. И это было выполнено, при чем я нарвался-таки на пристава, но, к счастью, это было в последнем селении, на самой границе уезда. Этот инцидент был улажен нескоро, но все же управа, в конце-концов, не только уладила дело с Шидловским, но добилась утверждения целого ряда лиц, а в том числе и меня. Это случилось уже при новом заведующем — С. Л. Блеклове.

Воспитанник московского университета, Блеклов прибыл в Орел уже с солидным именем статистика и публициста. В первой половине 90-х годов отдельным изданием вышли его две книжки: „Travaux statistiques des zemstvos russes“, предназначенная для ознакомления Европы с земскою статистикою, и — „За фактами и цифрами. Записки земского статистика“. Приглашение Блеклова совпало с арестом многих статистиков по делу „Народного права“, о котором будет сказано ниже, и новый заведующий стал налаживать Орловскую статистику, съехавшую, было, с рельсов.

Желая улучшить земское хозяйство, новая орловская управа подыскивала соответствующих лиц для заведывания и другими отделами. Между прочим, главным врачом психиатрической больницы был приглашен Павел Иванович Якобий. Это был выдающийся психиатр и всесторонне образованный человек. Судьба его весьма оригинальна. Говорили, что Якобий, будучи еще на последнем курсе медико-хирургической академии, был отправлен в 1863 г. на войну с Польшою. Но молодой студент так увлекся освободительным восстанием, что стал оказывать помощь повстанцам, вследствие чего вынужден был эмигрировать за-границу. Здесь он, — преимущественно во Франции, — закончил свое образование, слушая лекции и работая у выдающихся профессоров, главным образом — у Жан-

Мартен Шарко. В 1870 году, во время франко-прусской войны, Якобий с женою вступил в ряды отряда Гарибальди и провел с ним всю кампанию. Как известно, знаменитый итальянский патриот к названному году явился с двумя своими сыновьями в Тур к Гамбетте, который поручил Гарибальди командовать корпусом волонтеров, сосредоточенным между Сеною и Вогезами. Среди этих-то добровольцев, одержавших ряд побед над пруссаками, был, говорили, и Якобий с женою. Передавали далее, что сведения о нем, как о психиатре, стали известны императрице Марии Александровне, супруге Александра II, в бытность ее за границею. Узнав, что Якобий, как эмигрант, не может возвратиться в Россию, она, будто бы, снабдила его запиской к властям полицейским, дабы последние не трогали доктора. Но, увы, лишь только он переехал границу, был арестован, и, после тюремного заключения, отдан в Твери под гласный надзор полиции, который длился целых пять лет.

В Орле он сразу обратил на себя внимание радикальным реформированием психиатрической больницы, в которой, к слову сказать, найдены были почти орудия пытки от времен Приказа Общественного Призрения. Настойчивый, энергичный Якобий быстро выкурил старый дух, и душевнобольные из обстановки, напоминавшей ту, которая наводит ужас в „Записках сумасшедшего“ Гоголя, попали в наилучшие условия. Грубость, жестокосердие, побои уступили место гуманности и человечности. Не говоря уже о превосходной пище, уходе, внимательном лечении, для больных устраивали такие невиданные вещи, как спектакли, литературно-музыкальные вечера и т. п. Последнее обстоятельство и послужило первою причиною моего знакомства с Якобием. Как-то в „Орловском Вестнике“ я поместил небольшую заметку о психиатрической больнице, сопоставив ее прошлое с настоящим. Вскоре после этого Якобий сделал мне визит, чтобы „поблагодарить“ за заметку. За что же? — удивился я, — ведь мною сообщена лишь действительность. В Европе, — отвечал Якобий, — прессу привыкли за все благодарить. Затем у нас завязался разговор. Якобий оказался чрезвычайно интересным собеседником. Всесторонне образованный, много видевший и испытавший на своем веку, он живо и с большим юмором охарактеризовал западно-европейскую и русскую жизнь, сделав чрезвычайно пессимистический вывод как для запада, так и для нас. С этого момента мы стали близкими знакомыми, при чем нередко он бывал у меня с женою, а я у него. Спустя немного, он жене моей предложил место секретаря в больнице. Валерия Николаевна охотно согласилась на это. Своим твердым и уравновешанным характером она часто сдерживала пыл и раздражения Якобия и тем избавляла его от многих неприятностей. Было немало случаев, когда без такой охраны могли быть весьма неблагоприятные последствия для Павла Ивановича. Так, однажды привезли закованного в цепи психически больного кре-

стьянина. Для деревни это, к сожалению, совершенно обыденное явление. Но Якобий при виде такой картины рассвирепел. Возмущение его дошло до такой степени, когда человек не помнит себя. Он предложил Валерии Николаевне написать самые дерзкие бумаги администрации, включая и губернатора, в которых упрекал власти в допущении бесчеловечия, в потворстве пыткам, и т. п. и т. д. Она сделала вид, что немедленно исполнит сказанное Павлом Ивановичем, но на самом деле никому не написала, о чем и сообщила Якобию через два-три дня, когда он совершенно успокоился. И таких случаев было, повторяю, немало. Павел Иванович вообще не считался с действительностью и когда находил что-либо нужным, то не обращал внимание, как к его действиям относятся другие. Говорили, что однажды Якобий задался мыслью излечить русский народ от тяжелой наследственности. С этой целью он в одной губернии произвел анкету о времени зарождения детей. Оказалось, что в подавляющем большинстве случаев появление на свет младенцев приходилось на масляной неделе, т.-е. во время пьянства, обжорства и отупения, и после постов. Ведя воздержанную, сравнительно, жизнь в течение постов — великого, петровок, филипповок, — население по окончании их объедается, опивается, и в этот ужасный, скотский, можно сказать, момент зарождаются дети! Что же удивительного, что получалась и получается страшная наследственность! И вот, говорили, Якобий с фактами в руках думал было обратиться в св. Синод с предложением... уничтожить посты! Можете судить, что произошло бы в названном ведомстве! Конечно, этот грандиозный и, действительно, громадной важности проект Якобия провалился, а автора его, пожалуй, засадили бы в сумасшедший дом. Но ему удался другой опыт. Говорили, что в одной губернии оказалась местность, пораженная кликушеством. Земство предложило Якобию исследовать болезнь и выработать меры к ее уничтожению. Павел Иванович немедленно отправился, произвел тщательное обследование, а возвратившись заявил, что в названной местности, расположенной среди лесов, в невероятно глухой трущобе, необходимо провести дороги, устроить ярмарку и разумные развлечения. Все были удивлены, что никакого „лечения“, как его понимают, Якобий не предложил, но выполнили проект врача. И что же? Через весьма короткое время район, приобщенный к культуре, почти совершенно избавился от кликушества. Нужно ли говорить, что свободомыслие Якобия, его оригинальность, широкий кругозор, самостоятельность, не говоря уже о громком прошлом, не могли сделать его благонадежным в глазах предрешающих властей, как недолюбливал его и реакционный элемент в земстве, смотревший на реформы в больнице, как на дорогое стоящие „затеи“ „сумасшедшего доктора“. Но управа стойко защищала Якобия. Вообще новый состав управы вел себя по отношению к администрации довольно самостоятельно, стараясь в то же время быть, в высшей степени осторожным, чтобы не заподозрили в антиправитель-

ственном направлении. Особенно на-стороже был Козлов. Вот один пример. Вызывает как-то меня Владимир Михайлович из статистического бюро. Когда я вошел в его кабинет, он затворил на ключ дверь и, предложив сесть за столом рядом с ним, отпер ящик в своем столе, вынул оттуда какую-то бумажку, прикрыл ее ладонью и почти шопотом заговорил: „Вот это прокламация, кем-то присланная на имя председателя губернской управы. Вскрыв конверт, я тотчас же догадался, что это за штука, и не читал ее и вам не дам читать. Я пригласил вас лишь потому, что, в силу вашего прошлого, вы, несомненно, опытни в такого рода делах. Так, вот, как вы думаете относительно этой прокламации?“ — Если вы боитесь, то, самое лучшее, — бросьте ее в печь. — „Не-ет, батенька! А представьте себе, что мне ее нарочно прислал Дудкин, чтобы узнать, — доставлю ли я прокламацию по начальству или буду ее читать другим, вообще — распространять?“ — Но как же это он узнает, если прокламация сгорит? — „Он мог ее отправить при свидетелях...“ — В таком случае отдайте ее мне... — „Что вы, что вы! Нет, надо подумать — сжечь или представить в жандармское правление, чтобы не оно меня, а я его провел“. Тем беседа наша кончилась. Не более, как недели через две опять вызывает меня Козлов, опять запирает дверь кабинета на ключ и опять говорит шопотом: „Теперь только я понимаю, как хорошо было бы, если бы я послушал вас и сжег прокламацию...“ — А что? — „Да проклятые жандармы просто замучили меня!“ — Каким образом? — „Прежде всего Дудкин не выразил никакого удивления, когда я доставил ему прокламацию“. — А вы - таки доставили? — „Грешный человек — сделал такую глупость“. — И плохо сделали. Ведь жандармы руководствуются в своих действиях только карьерою и корыстью. Если бы Дудкин произвел у вас обыск и лично нашел прокламацию, — он был бы страшно доволен, потому что за это он мог бы рассчитывать на чины и награды. Когда же вы сами ему доставили, то он не только этому не может быть рад, но должен быть необычайно огорчен. Ведь доставление, показывая вашу ультраблагонадежность, является в то же время укором для жандармского полковника: значит, он просмотрел, не зная, что у вас прокламация. — „Вашими устами говорит сама истина... Вы знаете, с чего он начал, когда я доставил ему прокламацию? „А где же конверт, в котором она прислана?“ — спросил Дудкин. И когда я ответил, что бросил его в корзину, он заявил: „без конверта это доставление не только теряет для вас значение, но, при желании, можно сделать иной вывод: у вас в управе могут изготовлять прокламации, а вы, чтобы скрыть это, одну доставили мне“. — Полковник! — воскликнул я. — Дудкин поспешил оправдаться: „Конечно, я вас ни в коем случае не подозреваю, а говорю лишь, что можно, при желании, сделать такой вывод“. — „Нет, — закончил Козлов свое сообщение, — теперь буду бросать прокламации в печь, как вы советовали!“

Владимир Михайлович был со мною в хороших отношениях. Это объясняется рядом причин.

Я близко сошелся с Владимиром Михайловичем, как представитель столичной и провинциальной прессы. О моей роли в качестве постоянного сотрудника „Русских Ведомостей“ я говорил в сборнике „Русские Ведомости“, изданном в 1913 г. по случаю 50-летия газеты. Но я еще состоял членом обновленной редакции „Орловского Вестника“. Обновление это произошло при таких обстоятельствах. Издательница газеты, г-жа Семенова, о которой я уже упоминал, сошлась с очень живым и общественным молодым человеком г. Сентяниным. С последним я и вступил в переговоры об отдаче газеты в руки группы лиц, которые будут вести ее литературную часть. Семенова и Сентянин согласились на это. Тогда редакция образовалась из меня, инженера путей сообщения Н. К. Королева, занимавшего крупную должность на Риго-Орловской дороге, талантливого юриста А. Н. Р—та и статистика А. В. Пешехонова, о котором я говорил выше. Вскоре газета из плохой стала приличным провинциальным органом. Но это обстоятельство немедленно возбудило против нас администрацию, в глазах которой пресса являлась одним из факторов крамолы. Свирепая вообще, предварительная цензура еще и еще пажала пресс. Слава еще Богу, что два или три советника губернского правления, поочередно оскорблявшие газету, подставляли, по бюрократическому обычаю, друг другу, как говорят, „свинью“. Поэтому неразрешенное одним цензором, редакция подсовывала другому, который наиболее терпеть не мог неразрешившего и, таким образом, кое-что удавалось пропустить. Но скоро прекратилось и такое, чисто-русское „счастье“. Меч над „Орловским Вестником“ был поднят новым вице-губернатором Неклюдовым. Это субъект достоин кисти художника. Он был переведен из Нижнего-Новгорода вместе с массою, — как ходили слухи, — следовавших за ним долгов. Говорили, что для покрытия последних он решил собрать „дань“ в Орле. С этой целью Неклюдов стал „работать“ на два фронта: чтобы закрыть глаза правительству, он прикрылся реакциною ширмою, за которою всеми правдами и неправдами выжимал нужные ему средства не только с обывателей, главным образом, с евреев и купечества, но и с полиции, повышая или понижая чинов ее, соответственно размерам мзды со стороны того или иного лица, преимущественно, конечно, полицеймейстеров и приставов. Благонадежность же Неклюдов завоевывал на крамоле и печати. На первом пути его стоял жандармский полковник Дудкин, не желавший никому уступить такую выгодную операцию, как обнаружение крамолы, а потому Неклюдову пришлось прибегать к различным, не всегда удачным, способам, чтобы хоть кусочек славы приобрести на этом поприще. Один из таких способов он применил, между прочим, ко мне. В то время, когда я получил права гражданства и уже свободно

разъезжал по деревням, производя местные исследования, управа вдруг получила от исправляющего должность губернатора Неклюдова бумагу, в которой категорически требовалось немедленное устранение меня из статистического бюро. А я в это время обследовал Орловский уезд. Поэтому управа послала в погоню за мною самого заведующего С. М. Блеклова. Нагнав меня в одном из селений, он, возмущенный, сообщил мне: „Опять, мерзавцы, требуют устранить вас!.. Ведь, это ужасно!.. Какой-то взяточник распоряжается нашей судьбой!.. Владимир Михайлович решил обжаловать это распоряжение Неклюдова.“

Нечего делать, — прибыл я с Блекловым в Орел.

Управа была возмущена бумагой исправляющего должность губернатора, а Козлов, действительно, собирался ехать в Петербург. Но этого не понадобилось. Услышав, вероятно, что его ни на чем неоснованное требование об удалении меня произвело большой шум, Неклюдов, в „дополнение“ к бумаге о моем изъятии, сообщил, что... „не встречается препятствий“ продолжать Белоконскому занятие статистикой!

По отношению к бесправной, забитой провинциальной прессе Неклюдов прибег к самому элементарному произволу. Он вздумал при ее посредстве получить известность, как защитник злободневных тогда земских начальников. С этой целью вице-губернатор написал соответствующего содержания статью, вызвал „официально“ редактора, вручил ему свое произведение и приказал его напечатать. Струсивший редактор принял статью, принес ее в редакцию и начал „обходить“ нас. Не говоря сразу о вице-губернаторском творчестве, он начал с того, что, мол, бывают вопросы, к которым сразу и неизвестно почему относятся пристрасно, тенденциозно. К числу таких вопросов относится и вопрос о земских начальниках. В действительности же институт этот заслуживает внимания, так как возникновение его является следствием желания облегчить участь крестьян, узнав их истинные нужды и т. д. и т. д. Редакция, не заподозревая тайных мыслей, просто ответила издателю, что она принципиально против земских начальников и это оговорено в условии с издателем. — Да, отвечал последний, — но если мне не только предъявлено требование, чтобы были изменены взгляды на земских начальников, но и вручена статья самого вице-губернатора?—Само собою разумеется, что статья эта не будет помещена, — был наш ответ. И что ни делал издатель, мы, конечно, уступить ему не могли. Статья не появилась, а Неклюдов, вызвав официального редактора, разнес его в пух и прах, топал ногами, кричал, стучал и пригрозил закрытием газеты. В результате редактор написал мне письмо, в котором говорилось, что „Орловский Вестник“ является единственным средством к жизни, и потому владельцы газеты не могут вступить в борьбу с всесильною администрацией. Нашей компании не оставалось ничего

более, как уйти из „Орловского Вестника“, что мы и сделали. Это произошло в конце первой половины 90-х годов и совпало с провалом партии „Народного Права“, некоторые члены которой принимали близкое участие в газете.

Но я забежал вперед, чтобы покончить с вице-губернатором Неклюдовым. Теперь, прежде чем говорить о партии Народного Права, должен возвратиться назад.

Как и повсеместно в 1891—1892 г., Орловская администрация старалась совершенно отстранить земство от голодающего населения, с каковою целью распространялись слухи и делались донесения, что голода в действительности нет, а имеется лишь небольшая нужда, раздутая земством и печатью и вызвавшая злонамеренные требования со стороны жителей деревни, чтобы их даром кормили и поили. Мне пришлось защищать земство в столичной прессе, преимущественно в „Русских Ведомостях“. Эту защиту я обосновывал на статистических исследованиях, а также на непосредственном участии в кормлении народа. В последней роли я выступил по инициативе редакции „Русских Ведомостей“, впервые выславшей мне 200 р. из пожертвований на нужды школьных столовых, а затем — по предложению председателя Л. Г. Гуревича и секретаря Д. Д. Протопопова, от С.-Петербургской Комиссии по оказанию помощи учащимся в народных школах местностей, пострадавших от неурожая, выславшей мне в первый раз 790 руб. За осуществление столовых с горячею энергиею взялась жена моя Валерия Николаевна, которой представилась первая после ссылки возможность выступить открыто на общественное поприще и, главное, помочь горячо любимым ею детям, от которых она была отстранена 13 лет тому назад, лишившись права учительства. Организовав кружок, она произвела самые тщательные исследования, чтобы кормить действительно нуждающихся, и по целым суткам проводила в городских столовых.

В деревнях столовыми заведывали также, главным образом, учителя и учительницы, отчитываясь предо мною. Я не буду долго останавливаться на столовых, так как в свое время (1892—1893 гг.) отчеты о них печатались мною в „Русской Школе“ и „Русских Ведомостях“.

Я имел возможность сообщить многое о голодном годе, так как в это время производил описание Брянского уезда. Боже, что я там увидел! Лишь на основании части данных был написан ряд фельетонов в „Русских Ведомостях“ под заглавием „Край долби и картошки“¹⁾. А многие данные остались неиспользованными. Воспроизведу здесь то, что могу вызвать из глубины своей памяти. Ездил я по Брянскому уезду

¹⁾ Рассказы. Том I. „Деревенские впечатления“. (Из записок земского статистика). Издание второе. СПб. 1909 г.

с товарищем своим, статистиком В. В. Башмачниковым, почти фанатическим общником. Приехали мы как-то в одно дальнее селение, расположенное в глубоком лесу. Начали опрос. Вижу, Башмачников, занявшийся составлением пообщинного бланка, с редким воодушевлением исписывает лист за листом. — Какое открытие вы сделали? — шепчу я ему на ухо. — Поразительная община! — тихо отвечает он, продолжая писать. Оказалось, действительно, общинная земля делится не только между всеми наличными душами, — ее получают также солдаты и, что совсем уж удивительно, — наделяют землю даже сторонних жителей, не принадлежащих к общине. Громко предлагая вопросы и получая на них желательные ответы, Башмачников победоносно поглядывал на меня и иронически улыбался, так как я часто расхолаживал его общинный пыл. Но, вот, подробно описав коренные и частичные земельные переделы, товарищ предлагает последний и самый важный вопрос: — „Почему же вы всем раздаете землю?“ — „Да, кабы, ваш высокородие, вы пожелали, так и вам бы отмежевали — был ответ, — потому, как земля никуда не годится и не оправдывает платежей“. Тут у Башмачникова, как говорится, перо выпало из рук, а я не мог удержаться от гомерического хохота.

Дальнейшие наши экскурсии убедили нас в невероятной бедности и дикости населения лесных частей Брянского уезда. Достаточно сказать, что, не говоря уже о курных избах, — во многих местах единственным освещением была лучина, которую зажигали углями, хранимыми под пеплом в печах, так как спички, исключительно фосфорные, являлись роскошью и хранились пуще зеницы ока. На почве этой бедности и темноты, холера развивалась с невероятною быстротою и косила население, тем более, что медицинская помощь была далеко недостаточна и базировалась, главным образом, на невежественных фельдшерах. Говорили, между прочим, что фельдшера выпивали все напитки, которое земство рассылаю для больных (коньяк, красное вино и т. д.) и заполняли опорожненные бутылки сивухою, которою и „лечили“ больных. Население недоверяло медицине и прятало холерных. В одной деревне мы наткнулись прямо на страшную картину. Прибыли мы туда под вечер и были смущены гробовою тишиною, отсутствием людей и закрытыми ставнями.

— Почему же никого не видно? — обратились мы к вознице.

— Должно, попрятались, — спокойно ответил он, слезая с телеги, — должно, думают, не доктора ли вы... Стой-ка, я поищу...

И он отправился в густые конопляники, стеною стоявшие у дороги против изб. Через некоторое время вместе с возницею оттуда появились волосатые, словно первобытные, люди с дубинами. Окружив телегу, они начали опрашивать нас, кто мы и зачем приехали. Лишь долгое уверение, что мы не „доктора“, а „приехали узнать о земле“, успокоили население. Произвели на другой день опрос, мы поспешили

скорее оставить селение, так как узнали, что жители прятали в конопляниках как живых, так и умерших холерных, которых затем хоронили тайно.

Теперь скажу несколько слов о партии Народного Права, к которой я не принадлежал, но с членами которой я и жена были в наилучших отношениях, а мои свояченицы, особенно Леонарда Николаевна Левандовская, принимали, кажется, довольно близкое участие. Да и жена моя Валерия Николаевна однажды оказала большую услугу, — она перевезла часть типографии и передала их одному из активных членов партии. За нашей квартирой был установлен тщательный надзор, обнаруженный через 12 лет в виде тетради шпиона, случайно купленной в Москве на Сухаревке в 1906 г. и напечатанный затем мною, — под заглавием „Гороховое пальто“, — сокращенно в № 195 „Русских Ведомостей“ за 1907 г. и полностью в журнале „Минувшие Годы“ за 1908 г.

Я уже говорил, что лишь тяжкие бедствия производят в России бреши в густой толще невыносимой реакции, являющейся как бы органическим достоянием несчастного нашего отечества. Голод и холера 1891—92 гг. и были тем бедствием, которое вызвало общественное движение. Как один из результатов этого движения явилась и партия „Народного Права“. Начало ее было положено, повидимому, еще в Саратове, при чем одним из выдающихся инициаторов ее был, несомненно, М. А. Натансон, служивший там в Управлении Орлово-Грязской ж. д., переведенном затем вместе со служащими в Орел. Человек большого ума и выдающейся энергии, М. А. Натансон был одним из старейших участников и инициаторов освободительного движения. Уже в начале 70-х годов в С.-Петербурге существовал кружок его имени, участие в котором принимали такие выдающиеся впоследствии лица, как кн. Петр Кrapоткин, как Клеменс, Кравчинский и др. Кружок этот был настолько конспиративен, что членов его прозвали „троглодитами“, т.-е., пещерными людьми. Высланный в 1872 г. в Архангельскую губ., Натансон, возвратившись, сделался одним из организаторов партии „Земля и Воля“, распавшейся в 1879 г. на Липецком съезде на две партии — „Народная Воля“ и „Черный передел“. В 1878 г. Натансон, за участие в кружке „Общество друзей“, был сослан в Восточную Сибирь, где пробыл до 1887 г. Поселившись в Орле, Натансон немедленно приступил к вербовке членов в партию „Народного Права“. Видом напоминавший библейского патриарха, М. А. производил импонирующее впечатление и умел скоро располагать к себе лиц самых разнообразных положений. А крупное положение в контроле Орловско-Грязской ж. дороги давало ему возможность содействовать получению мест в управлении своим единомышленникам. Кроме того, значительная часть последних служила в земском статистическом бюро и среди них такие видные члены партии,

как А. В. Пешехонов, А. И. Тютчев, А. В. Сазонов. Знал я и других лиц, как С. В. Сотников, И. Н. Львов, В. В. Башмашников, агроном Г. П. Клинг, А. В. Геденовский, студент Варшавского университета М. А. Мандевич, большой приятель моей жены и сволчениц, очень часто у нас бывавший и именовавшийся „паном“. Все это были люди чрезвычайно симпатичные, искренние, преданные делу, которому служили. В Орле за участниками „Народного Права“ был установлен сильнейший надзор. Шпионы прямо следовали по пятам многих из них. На этой почве произошел довольно комичный инцидент. Жена моя органически ненавидела шпионов, и большим удовольствием было для нее обнаружить сыщика и идти по его стопам, приводя в смущение или в ярость агента полиции. Занялась она этим и в Орле в момент наводнения его сыщиками. И, вот, однажды, она, увидев издали подозрительного субъекта, стала тщательно следить за ним. Субъект заметил это и стал удирать. Валерия Николаевна за ним, он от нее. Тогда жена сделала вид, что возвращается назад, на самом же деле повернула, обогнула квартал и, лицом к лицу встретила с... доктором О. В. Аптекманом! Оказалось, что и он принял Валерию Николаевну за шпиона! По многим данным можно было заключить, что над партией „Народного Права“ занесен уж меч, но, к сожалению, члены ее этого не замечали и в самый разгар надзора сделали ошибочный шаг.

Мы знали, что в Смоленске устраивается типография „Народного Права“. А в это время как-раз назначен был царский смотр войскам в том же городе, и я с женой предсказывали „пану“, что типография там мгновенно провалится, а он, „пан“, отправлявшийся в Смоленск, чтобы работать в типографии — будет, конечно, арестован. Так оно и случилось: „пан“ под именем Дмитрия Окунева, был застигнут на месте преступления, когда только что был отпечатан манифест партии Народного Права. Об этом манифесте речь впереди, а теперь, возвращаясь к Орлу, скажу, что о провале партии стало известно утром 22 апреля 1894 г. Необыкновенно быстро распространился слух о громадных обысках и арестах, происшедших в ночь с 21 на 22 апреля. Я, жена и обе свояченицы тотчас же отправились узнать, насколько верен слух, и кто именно арестован. Первою я посетил квартиру И. Н. Львова и убедился, что сведения основательны. Ночью у него был тщательный обыск. Самого квартирохозяина дома полиция не застала, вследствие чего установлен был надзор, не оставлявший сомнения, что Львов будет арестован. Когда я сообщил об этом знакомым, немедленно было учреждено дежурство на вокзале, чтобы предупредить И. Н., если он приедет. Должен сказать, что Львов отличался необыкновенной конспиративностью, и я не мало был удивлен, что его выследили. Но еще более изумился я, когда, посетив квартиру Евгения Ивановича Победоносцева, узнал, что и он

арестован. Впоследствии выяснилось, что причиною бед, разразившихся над ни в чем неповинным бывшим заведующим статистическим бюро, был его квартирант — Сотников. Следя за последним, полиция не раз узнала, что Сотников жил в отдельном флигеле и не имел ничего общего с Победоносцевым. Но у нас с гражданами не церемонятся, и Е. И., семейного человека, потащили без всяких разговоров в тюрьму, а оттуда в С.-Петербург, в дом предварительного заключения! Однако, и этим не ограничился Дудкин, аппетит которого возрастал с количеством обысков и арестов, суливших великие милости. Он арестовал начальника службы, кажется, движения Ряго-Орловской жел. дороги, Н. Ф. Королева, о котором я вскользь упоминал выше. Это был прекрасный человек, соединявший в себе редкую доброту с самою широкою и разнообразною общественною деятельностью. Он стоял во главе организованной им вольной пожарной дружины, играл в любительских спектаклях, был деятельным членом литературно-художественного кружка, комиссии народных чтений, а также всех благотворительных обществ. Словом, не было, кажется, в Орле такого общественного учреждения, где бы Николай Филиппович не только принимал участие, но был, что называется, „душою общества“. Его все любили, все уважали и стремились залучить во всякое возникавшее общественное предприятие... В то же время Королев был совершенно аполитичен. По обыкновению, Королев и в ночь ареста был распорядителем на каком-то благотворительном вечере. Он как-раз принимал кассу, когда явился „сам“ Дудкин, чтобы не упустить из рук „важного государственного преступника“. Николая Филипповича повезли домой, произвели там тщательный обыск, арестовали, а затем, как и Победоносцева, отправили в Петербург! Скоро выяснилось, что Королев не при чем, а виновною оказалась... его свояченица! Но это нисколько не препятствовало, чтобы схватить невинного и почтенного инженера путей сообщения, занимавшего крупное место в железнодорожном ведомстве, обыскать, арестовать и отправить в столицу для заключения! Когда узнали об аресте Королева, в городе возникла паника. — „Уж если Николая Филипповича арестовали, — шептались горожане, — то кто же гарантирован от полицейского произвола?“ Среда, в которой, главным образом, вращался Королев, особенно железно-дорожный мир, дотога струсила, что не только прекратили посещение гостеприимного, сердечного дома Королева, но переходили на другую сторону, когда встречали кого-либо из многочисленной семьи Николая Филипповича, оставшейся без всяких средств. Правда, Королева, как и Победоносцева, скоро, сравнительно, освободили, но он долгое время оставался без места. Казалось бы, что за несправедливый арест должен был понести кару Дудкин, но, конечно, случилось обратное. Одновременно с Орлом обыски и аресты произведены были в Харькове, Москве, Петербурге и, как мы уже знаем, —

в Смоленске. При этом выяснилось, что департамент государственной полиции был превосходно осведомлен о деятельности народоправцев. Говорили, например, что некоторые из орловских народоправцев ходатайствовали о праве жительства в столице. Им дан был ответ: „все на Пасху будут здесь“. Так оно и случилось: „все“ на Пасху, действительно, были в столице, но только... в доме предварительного заключения...

Теперь два слова о манифесте народоправцев.

„По мнению партии,—говорилось в нем,—понятие о народном праве включает в себе как понятие о политической свободе, так и понятие о праве народа на обеспечение его материальных интересов, на началах организации народного производства. Гарантими этого права в глазах партии служат:

Представительное управление на началах всеобщего голосования;

Свобода вероисповеданий;

Независимость суда;

Свобода печати;

Свобода собраний и ассоциаций;

Неприкосновенность личности и прав ее, как человека.

В виду того, что Россия не есть однородное целое, а очень сложное политическое тело, необходимым условием политической свободы является признание права на политическое самоопределение за всеми национальностями и областями, входящими в состав ее.

Так понимая народное право, партия ставила своей задачей — объединение всех оппозиционных элементов страны и организацию такой активной силы, которая всеми доступными ей реальными и материальными средствами добилась бы освобождения от современного политического гнета самодержавия и обеспечила бы за всеми права человека и гражданина.

Будучи глубоко убеждена, что ее стремление вполне соответствует истинным потребностям исторического момента, партия надеялась, что призыв ее найдет горячий отклик в сердцах тех, кто не потерял еще чувства своего человеческого достоинства, в коем самодержавие не вытравило сознание своих гражданских прав, кто измучен гнетом господствующего произвола и насилия, кому дороги интересы родины и высших идеалов правды и справедливости“.

Этот манифест мне очень понравился. По моему мнению, он действительно соответствовал моменту. И когда я задался вопросом, — чем же объяснить мгновенное исчезновение партии после первого провала, — то соглашался с теми, которые говорили, что причина гибели кроется в ошибке, сделанной основателями партии, называвшими ее „социально-революционной“, хотя, судя по манифесту, дипломатично умолчавшему даже о способах достижения самой важной цели — политической свободы, — в ней ничего „революционного“ не было. Не будь этой, несоот-

вегствующей манифесту, прибавки, партия могла бы найти значительное число последователей в земской среде, которая как-раз в этот момент начала проявлять усиленное стремление к достижению той самой политической свободы, конституции, какой желали и народоправцы. Прибавка же „социально-революционная“ сыграла роль жупела и привлекла в их среду, главным образом, лишь бывших политических ссыльных и поднадзорных. Не говоря уже о том, что за последними всегда зорко следила полиция, что давало ей возможность знать обо всех проектах в неблагонадежной среде, не говоря, повторяем, об этом, такого рода лиц было тогда очень мало, чтобы они сами по себе могли достигнуть поставленных целей; а во-вторых, незначительное число участников вело к тому, что, — как и случилось с партией Народного Права, — всех их арестовали одновременно, не оставив никаких следов партии. „Ничего подобного не могло бы случиться, — говорили, — если бы партия захватила широкие общественные круги, главным образом, — земские“.

Хотя я, как выше было сказано, — не принадлежал к партии Народного Права, но, — и члены ее, и арестованные по недоразумению — были весьма близкие мне люди, а потому исчезновение их крайне тяжело отразилось на психике моей и моего семейства. Темп общественной жизни в Орле после разгрома партии сильно понизился. Пришлось вести почти обывательское существование с теми из уцелевших знакомых, о которых я говорил на первых страницах описания орловской жизни. К счастью моему, еще в начале 90-х годов у меня не только завелись довольно прочные связи с Москвою, но я получил возможность более или менее продолжительного пребывания в ней, не взирая на отсутствие права даже останавливаться в ней. Виновником таких благоприятных для меня условий в Москве был мой учитель Н. А. Вербицкий, о котором я не раз говорил. Из Чернигова он был переведен в Рязань, где познакомился с богатыми землевладельцами Баташовыми. Зимнее время Баташовы проводили в Москве. Вербицкий и предложил мне воспользоваться этим обстоятельством, чтобы получить возможность ездить в столицу.

После нескольких поездок в столицу, помимо Баташовых, нашлись для меня и еще приюты, хотя в полицейском отношении и не особенно надежные, — именно, мы имели возможность проживать у милейших людей — Муриновых и переселившейся в Москву и сделавшейся учительницей на фабрике Цинделя, К. И. Дмитрюковой, которая, как я писал, лишилась места учительницы в Орле из-за знакомства со мною. Наконец, я пользовался приютом у Василия Михайловича Соболевского, хотя для меня ночлег у него был самым тяжким. Дело в том, что я смертельно боялся скомпрометировать редактора „Русских Ведомостей“, считая это преступлением. Но В. М. не пропикался моими доводами. В 1895 г. я получил разрешение на право жительства в Петербурге. Это обстоятельство

до некоторой степени как-бы узаконяло мое временное пребывание в запрещенной Москве, или, вернее, давало возможность увернуться, заявив,—если бы пришлось объясняться,—что „остановился в Москве проездом в Петербург“. Скажу здесь к слову, что на вопрос, заданный мною тогдашнему директору департамента полиции, Зволянскому, — почему мне воспрещено жительство в Москве, — он откровенно заявил, что вторая столица находится в полном ведении генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича, и департамент полиции не имеет права вмешиваться в московские порядки.

Прежде чем объявлено мне было официальное veto относительно Москвы, я, как выше писал, получил почти право гражданства в столице. Дело дошло до того, что в 1894 году я явился в Москву уже в качестве члена IX Съезда естествоиспытателей и врачей. Это был замечательный Съезд, отмеченный первым открытым выступлением земских статистиков. Виновниками легализации самого неблагонадежного земского элемента явились профессора Московского университета Д. Н. Анучин и А. И. Чупров. Первый был заведующий секцией географии, антропологии и этнографии, а второй — подсекции статистики. В общем членов подсекции статистики насчитывалось восемьдесят шесть человек, из которых заметный процент не имел права даже въезда в Москву. И все эти лица, как и я, жили у знакомых без прописки, молча, чтобы не попасть в прессу, присутствовали на публичных заседаниях, высказываясь лишь в закрытых заседаниях комиссии. Только один из таких „нелегальных“, В. И. Яковенко, решился как-то выступить публично, но он, произнеся речь, тотчас же помчался на вокзал и улетучился из Москвы. Давали волю мы своим чувствам и развязывали языки лишь на интереснейших собеседованиях за обедами и ужинами, которые устраивались, как я уже говорил, в московских трактирах, главным образом, в большом Московском трактире, что был на Воскресенской площади, против городской думы.

На одном из таких ужинов чисто-политического характера речь произнес редактор „Русской Мысли“, известный публицист — Виктор Александрович Гольцев. Верный своим взглядам, и на ужине, о котором идет речь, Гольцев произнес чисто-конституционную речь. Каким-то образом слух об этом дошел до московского генерал-губернатора, для которого конституция была то же самое, что и революция. Поднялась буча, осложнившаяся еще тем обстоятельством, что к этому моменту московская полиция разнюхала, что такое земские статистики. Говорят, что по этому поводу профессорам Анучину и Чупрову пришлось объясняться с генерал-губернатором. Передавали, что последний понятия не имел ни о какой статистике, а о земской — тем более. Когда хлопотали о включении в секцию географии подсекции статистики, то, будто-бы, приводили самые элементарные доказательства, в роде того, что география, мол, говорит

о разных странах, а во всякой стране имеется и население, и скот, и многое другое; все это необходимо „сосчитать“, чем и занимается статистика. Si non e vero ben trovato, но, думаю, что если все сказанное выдуманно, то это близко к действительности. Доказательством служит самый факт разрешения образовать подсекцию статистики, что было бы совершенно нелепо, если бы московский генерал-губернатор знал о земской статистике и о том „третьем элементе“, который был душою ее. Нужно думать, что генерал-губернатор представлял себе статистику в виде каких-либо канцеляристов, щелкающих на счетах и вычисляющих разные разности, или, в крайнем случае, педагогов в „футлярах“. И вдруг доносят ему, что явились какие-то субъекты, именующие себя „статистиками“, а в действительности это сплошные крамольники. Тем из нас, которым нельзя было носа показать в Москву, пришлось или немедленно оставить последнюю, или притаиться у знакомых, не давая никаких признаков жизни.

Благодаря IX съезду естествоиспытателей и врачей, я приобрел много новых знакомств не только в Москве, но и в России. В то же время я ближе сошелся и с „Русскими Ведомостями“. Громадный процент статистиков оказались корреспондентами этой газеты и чуть не ежедневно они в свободные часы навещали в комнату „внутреннего отдела“, которым заведывал в это время Петр Михайлович Шестаков, всем своим существом принадлежавший к „третьему элементу“ и искренно сочувствовавший ему.

Возвратился я с женою в Орел освеженный и ободренный. Отошла немного та безнадежная тоска, которая одолела нас после провала партии „Народного Права“, убравшего из Орла лучших из наших знакомых.

20 октября 1894 г. в Ливадии скончался император Александр III, с именем которого была связана тяжелая реакция 80-х годов. Все возлагали надежды на новое царствование, полагая, что начнется в государственной жизни нечто иное, тем более, что к этому времени, как мы уже говорили, начала проявляться общественная жизнь и особенно — земская.

И. П. Белоконовский.